

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б89⁺
155

*

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ

IV

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952

о писателях, произведения которых включены в этот раздел хрестоматии; литература историческая и художественная до XX в. представлена в образцах в известной хрестоматии В. Д. Смирнова¹; б) образцы народного творчества, включая диалектальные записи; в) официальные и юридические тексты; здесь должны быть представлены, например, турецкая конституция, образцы международных договоров, торговых соглашений, законов и т. п.²

* * *

Большие и ответственные задачи, стоящие перед советскими туркологами, могут быть успешно решены лишь при условии внедрения марксизма в туркологию, развития критики и самокритики, объединения всех наличных сил и строгого распределения очередности выполнения наиболее важных задач.

Успешное решение задач, стоящих перед советской туркологией, в значительной мере зависит также от своевременной и высококачественной подготовки кадров туркологов — студентов и аспирантов. В этой связи выявляется необходимость разработать детальный план подготовки кадров и пересмотреть учебные планы и программы, по которым ведется преподавание туркологических дисциплин.

Творческое овладение марксизмом-ленинизмом, глубокое и всестороннее изучение предмета своего исследования, развитие критики и самокритики, широкое и систематическое обсуждение законченных работ, организация научных дискуссий по узловым вопросам турецкого языкознания — вот к чему зовут советских туркологов гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию.

¹ В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903.

² А. Д. Желтяков, аспирант восточного факультета ЛГУ, уже составил и издал пособие этого типа: А. Д. Желтяков. Турецкая хрестоматия (современные официальные тексты). Ленинград, изд. ЛГУ (стеклография), 1951, 99 стр.

Член-корреспондент АН Узб. ССР

А. К. БОРОВКОВ

ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ И ВОПРОС О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ТАДЖИКСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

I

Таджики, живущие в отдельных населенных пунктах Ферганской долины и других областей Узбекистана, говорят обычно и по-таджикски и по-узбекски. Такого рода двуязычие имеет большое значение в развитии и таджикских и узбекских говоров.

В таджикской литературе часто отмечалось широкое распространение таджикско-узбекского двуязычия. Об этом, в частности, еще в 1939 г. писал старейший таджикский писатель Садриддин Айни¹.

Тема таджикско-узбекского двуязычия находила также свое отражение в таджикских юмористических журналах. В одном номере самаркандского таджикского журнала² в макаронических стихах критиковались неорганизованные собрания и двуязычие, например (полужирным курсивом набраны узбекские слова и выражения): *эмди очилсин чароки панъ бор монандаш* 'пусть открывается, поскольку пять раз откладывалось; *таклифим бор сўз берилсун ба ҳар доклад даҳ минут* 'у меня есть предложение: на каждый доклад дать по десяти минут' и т. д.

Узбекская лексика в таджикском просторечии в районах со смешанным узбекским и таджикским населением занимает заметное место.

Это нашло отражение, в частности, в тех же таджикских юмористических журналах, в которых просторечные стили,

¹ S. Ajnī. Tirozi ҷahon. Stalinobod, 1939, стр. 16.

² «Мушфиқ», 1929, № 5/21, стр. 6.

естественно, широко представлены, например (полужирным шрифтом набраны узбекские слова и выражения): *тўғри роҳи қишлоқи худо гирифт*¹ 'отправился прямо в свой кишлак', *поли хона ялтирос мезанад*² 'пол комнаты блестит', *ба пеши комиссия юрға карданд* («Мушфик», № 5, 1937), 'быстро зашагали в комиссию', *алиф ба назараш тайоқ намоёд*³ 'буква а (алиф) представлялась ему палкой', *инзо чуқурҳойе доред*⁴, 'здесь имеются ямы'; *ба сар теллаки қулоқчинаи овезон дошт*⁵ 'напялил на голову свою шапку с наушниками' и т. д.

В приведенных примерах ряд узбекских заимствований: *тўғри* 'прямой', 'прямо', *қишлоқ* 'селение', 'кишлак', *ялтирос* 'блестящий', *юрға* 'иноходец', 'иноходь', *тайоқ* 'палка', *чуқур* 'яма', 'глубокий', *теллак* 'шапка', *қулоқчин* 'шапка с наушниками'.

В устном народном творчестве самаркандских таджиков узбекские заимствования часто составляют ряд параллельных общих моментов, например, *аргунчақу беланчак ман духтари келинчак* 'качели, качельки, я девушка-невестушка', *усмои сиёҳ харидемба қоши келин молидем* 'купила черную краску для бровей, подвела брови невесты', *таги чимилиқ, нону қаймоқ, келин ойим бодом қавоқ* 'под свадебным занавесом хлеб и сливки, голубка моя невеста с миндалевидными веками' и т. д.

Это все строки параллельные таким же в узбекских свадебных песнях. В перечисленных примерах ряд узбекских слов: *аргунчақ*, *беланчак* 'качели', *келинчак* 'невестка', *ўсма* 'краска для бровей', *қош* 'брови', *келин* 'невеста', *чимилиқ* 'свадебный занавес', *қаймоқ* 'сливки', *ойим* 'красотка, голубка моя', *қавоқ* 'веко'.

В пословицах, поговорках, загадках, в идиоматических выражениях в таджикском и узбекском языках опять-таки многочисленны подобные общие моменты, например: тадж. *хеҳ кас гинге нагуфтааст*, узб. *хеҳ ким гинг айтмади* 'никто не пророчил ни звука'; тадж. *ба орзў айбнест* (касанск. *орзува ајб не*), узб. *орзуға ајб жоқ* 'в желании нет вины'; тадж. *аз карнайчӣ як пуф*, узб. *карнајчідан бір пуф* 'от влиятельного человека достаточно одного слова' (букв.: от трубача один 'пуф'); тадж. *бағд аз тўй нағора*, узб. *тојдан кейін нағора* 'после пира барабанный бой'; тадж. (устар.) *камбағала аз болои шутур кучук* (-сағ)

¹ «Мушфики», 1937, № 7, стр. 3.

² «Бигиз», 1936, № 3.

³ «Мушфики», 1937, № 7, стр. 3.

⁴ Там же, 1937, № 4, стр. 7.

⁵ «Бигиз», 1936, № 11.

мегазад, узб. (карш.) *камбоғалні тујани усті да іт қонар* 'бедняка и на верблюде собака кусает'; тадж. *кўрпатба нигоҳ карда по* (~*поятро*) *дароз кун*, узб. *корпанға қарап эјағіні узат* 'глядя на свое одеяло, протягивай ноги'; тадж. *аз давлати шолӣ курмак об хўрда аст*, узб. *шолінің эркасідан курмак суғ ічар* 'благодаря рису и просо пьет воду'¹; тадж. *шутури калон яғираш ҳам калон*, узб. *туја катта — јағірі ҳам катта* — 'верблюд большой и ссадины у него на спине большие'; тадж. *дар як чуқур ҳазор чуқур* = узб. *бір чуқурда миң чуқур* 'в одной яме тысяча ям' (отгадка: «наперсток») и т. д.

Из этого можно вывести заключение, что при наличии таджикско-узбекского двуязычия происходит взаимный отбор лексик в зависимости от сферы употребления того и другого языка в данных местных условиях².

В таджикском языке, особенно в ферганских таджикских говорах, как и в самаркандском, усвоено значительное количество слов узбекского происхождения: *буккак*, *букрӣ* 'торбатый', *булак* 'кусок', *ботлоқ* (~*ботқоқ*) 'болото', *булоқ* 'родник', *айғир* 'жеребец' *тағо* 'дядя', *қайчи* 'ножницы', *қаймоқ* 'сливки', *қичима* 'чесотка', *қирав* 'пней', *қайроқ* 'брусок', *қошуқ* 'ложка', *узоқ* 'очаг' и т. д.

Заимствованные узбекские слова в ряде случаев получают в таджикском языке дальнейшее развитие в словообразовании: *ёши* 'молодость' (<узб. *ёш* 'молодой'), *бадқилиқӣ* 'дурное поведение' (узб. *қилиқ* 'поступок', 'поведение'), *кўрпаи қуроқӣ* (узб. *қуроқ* *корпа*) 'одеяло из лоскутов', *буғ кўнӣ* 'удушение', *буғӣ кардан* 'душить', например *вай ўро аз хекиртакаш буғӣ кард* 'он задушил его (схватив) за горло'³. *Шумо одами қизіқ будед*, *амак*⁴ 'вы, дядюшка, забавный человек', *ҳатто ба роҳи қизіқӣ ва латифағўӣ бойро дарғазаб овардааст*⁵ 'даже своим юмором и анекдотами он приводил в ярость богачей', *аз ҳама зои қизіқаи инки* ...⁶ 'из всех мест самое интересное то, что...' (узб. *қизіқ* 'забава', 'забавный', 'интересный') и т. д.

Разумеется, не все таджикские говоры в одинаковой мере усвоили узбекские лексические заимствования: в ферганских таджикских говорах их много, как показал в своем исследовании

¹ Т. е. благодаря обильному орошению риса и растущее тут же просо получает воду.

² Ср. Л. В. Щербачев. Восточно-лужицкое наречие. Зап. Историко-филол. фак. Петрогр. ун-та, ч. СХХVIII, Пг., 1915, стр. 193 и след.

³ Ср. Таджикско-русский словарь, т. I, Сталинабад — Ташкент, 1946, стр. 101 и др.

⁴ «Бигиз», 1936, № 11.

⁵ Там же, 1936, № 12.

⁶ Там же.

чувского говора О. Джалалов¹, но, например, в каратагском говоре (Сталинабадская область) «узбекские заимствования незначительны»².

II

Чтобы нагляднее представить себе ход и результаты таджикско-узбекского двуязычия, имея уже подробное описание чувского говора О. Джалалова, возьмем еще один таджикский говор, именно говор Касана той же Наманганской области.

Касанский таджикский говор примыкает ближайшим образом к чувскому и другим таджикским ферганским говорам. Таджикские ферганские говоры не составляют сплошной территории и относятся обычно вместе с самаркандско-бухарскими и верхнезеравшанскими говорами к северо-западной группе таджикских говоров³.

Касан является одним из старейших поселений в Ферганской долине и упоминается наряду с городами Ахсычетом, Андижаном, Узгентом, Мурганом, Исфарой, Канибадамам и Ходжентом в конце VII и начале VIII в. в период арабского завоевания Средней Азии⁴.

Таджики — жители Касана двуязычны; говорят одинаково на родном языке и по-узбекски. Местный таджикский говор значительно отличается от общетаджикского языка. С другой стороны, для касанцев сложились условия, которые ограничивают сферу употребления родного языка рамками семьи и кишлака, ибо живут они среди узбекского населения⁵.

Мы ограничимся самой краткой характеристикой касанского говора по записям 1950 г. со слов жителя Касана Саид-Ахмада Паршиева 19 лет.

Состав гласных в касанском таджикском говоре: *и, у, е, ё, о, а*. Гласный *и* — краткий, например, *тит* 'дайте', *гирит* 'возьмите' [Вь], *гиритон* 'возьмите' [вь], *чишим* 'глаза' и

¹ О. Джалалов. Отношение чувского диалекта к таджикскому литературному языку. Сталинабад, 1949, стр. 42—43.

² См. Л. В. Успенская. Каратагский говор таджикского языка. Автореферат. Сталинабад, 1949, стр. 12.

³ Ср. М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район. Ташкент, 1929, стр. 110.

⁴ Ср. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2, стр. 160—164.

⁵ Ср. О. Джалалов. Отношение чувского диалекта к таджикскому литературному языку, стр. 7—8. Проф. Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана, ч. II. Ходжентский округ. Ташкент — Сталинабад, 1930, стр. 22.

т. д. Спорадически некротный, например, конечное *й* в *будйгй* причастие от 'быть' и т. п. и долгий, например, *йт* (общетадж. *йод*) 'праздник'. Гласный *у* краткий, заднего ряда, например, *кучук* 'собака', *тухум* 'яйцо', *мурк* 'курица', *хурос* 'петух' и т. п.

Гласный *е* относится к типу узких *е*: *сапет* 'белый', *сеп* 'яблоко', *пеш* 'перед' и т. д. Гласный *ё* очень узкий *о*, например, *имрӯз* 'сегодня', *чӯп* 'бревно', *тӯп* 'мяч', *мӯисар* 'волосы' и т. д. Гласный *о* типа русского *о* под ударением: *по* 'ножища', *поча* 'нога', *сиё* 'черный', *тазо* 'дядя', *нок* 'группа', *дандон* 'зубы', *хозир* 'сейчас' и т. д. Гласный *а* — несколько более задний *а* (иногда осуществляется как более передний *ä*), например, *пардова* 'завтра', *басфәрдова* 'послезавтра' (общетадж. *фардо*, *пасфардо*), *шап* 'ночь', *дина* 'вчера', *парир* 'позавчера', *пеш-парир* 'третьего дня', *саси кампа* 'полюнь', *кәл* 'плешивый', *амакә* 'дядя', *зәрт* 'желтый', *зәву-зәрт* 'изжелта-желтый' и т. д.

Согласные: *п, б, ф, в* (~*w*), *м, т, д, н, с, з, ш, р, л'* (*л*), *й, ч, ғ* (*дж*), *к, г, ң, х, қ, ғ* (*h*), *р*.

В общем это типический для всех таджикских говоров состав согласных¹.

Местоименно-притяжательные аффиксы при именах для ед. числа: 1 л. -*ам*, 2 л. -*ат*, 3 л. -*аш*; для мн. числа: 1 л. -*мо*, 2 л. -*атон*, 3 л. -*аш*; например:

1. <i>пулам ҳай</i> 'у меня есть
деньги'	1. (<i>Моҳоя</i>) <i>пулҳомо ҳай</i>
'у нас есть деньги'
2. <i>пулат ҳай</i> 'у тебя есть
деньги'	2. <i>пулатон ҳай</i>
'у вас есть деньги'
3. <i>пулаш ҳай</i> 'у него есть
деньги'	3. (<i>вайҳоя</i>) <i>пулаш ҳай</i>
'у них есть деньги'.

В касанском таджикском говоре обычно логическое выделение имен с местоименно-притяжательными аффиксами по принадлежности кому-или чему-либо: *пулаш мӯл одам будас* (узб. *пул қон одам акан*) 'человек с деньгами', *адресаша пурсида гирифтам* (узб. *адресини сораб элдим*) 'я спросил его адрес', *яг-јаг дигириш қатӣ* (узб. *бир-бири билан*) 'один с другим' и т. д. Такого рода синтаксическая конструкция из имени в косвенном падеже и имени с местоименно-притяжательным аффиксом

¹ Ср. В. К. Орфинская. К характеристике фонетического состава таджикского языка. Сб. «Иранские языки», I, л., 1945, стр. 88. и след.

3-го лица ед. ч. распространена и в других северо-западных таджикских говорах¹.

В касанском говоре эта конструкция, например, *сапедора ногаи* 'верхушка тополя', *гуя лавашинда* 'на берегу канала', *ин гапа ма'ноше натонист* 'постичь смысла этих слов не могли' и т. д., как и в чустском, почти вытеснила конструкцию с изафетом, за исключением ряда словосочетаний с определенными прилагательными и случаев словообразования, например, *ўсмай сиё* 'черная краска для бровей', *зобони моҳо* 'наш язык', *мўисар* 'волосы', *сиёи чишим* 'зрачок', *таги по* 'ступня' и т. п. и обычными остаются словосочетания с местоименно-притяжательным аффиксом 3-го лица.

Множественное число имен на -*хо* и -*он*, например, *одамхо* — *одамон* 'люди', *бачахо* — *бачконон* 'дети', *духтарон* 'девушки', *занои* 'женщины', *писарон* (только с местоименно-притяжательными аффиксами: *писаронам* 'мои сыновья', *писаронат* 'твои сыновья', *писаронаш* 'их сыновья'), *аспхо* 'лошади', *гусфандхо* 'овцы', *дарахтхо* 'деревья', *чойнакхо* 'чайники' и т. д.

В чустском говоре аффикс мн. ч. после конечных согласных *о*, например *аспо* 'лошади', аффикс -*он* в редких случаях². Предполагается, что аффиксы -*хо* (вместо -*о*, -*ё*), -*он* возникли под влиянием литературной речи³.

Склонение имен в касанском говоре осуществляется при помощи следующих падежных форм, а также послеложных и предложных конструкций.

1. Косвенный (родительно-винительный) падеж, как и в чустском говоре, после конечных согласных — *а*, после конечных гласных — *я*, например, *аспа думачи* 'хвост лошади', *аспа дидам* 'я видел лошадь', *гурва муша қарит* 'кошка поймала мышь' и т. п.⁴

2. Направление действия выражается послелогом *ба* (*ва*); например, *аспба беда додам* 'я дал лошади клевер', *аспба* (~*аспа*) *сувор шудам* (=узб. *этка* (~*этни*) *миндим*) 'я сел верхом на лошадь', *аспа аробава қатӣ кадам* 'я впряг лошадь в арбу', *ман Бухорова рафтудам* 'я ездил в Бухару' и т. д. В чустском говоре аналогично послеслог *ба* (~*ва*)⁵.

¹ М. С. Андреев. О таджикском языке настоящего времени. Сб. «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945, стр. 59—60. И. И. Зарубин. Отчет об этнологических работах, ИАН, 1927, стр. 356.

² О. Джалалов. Отношение чустского диалекта..., стр. 16.

³ И. И. Зарубин. Отчет об этнологических работах ИАН, 1927, стр. 356.

⁴ Ср. О. Джалалов. Отношение чустского диалекта..., стр. 17. же, стр. 17.

3. Аффиксом местного падежа, как и в чустском, ленинабадском, матчинском, уратюбинском и некоторых других таджикских говорах; служит -*анда* (-*нда*), параллельно предложным конструкциям с предлогом *да*[*p*] и послеложным с послелогом *ба* в других таджикских говорах, как это видно из следующих примеров: касанск. *болои кароватанда*, самарк.-тадж. *да болои кароват* 'на кровати', касанск. *авза лавашинда* 'на берегу водоема', самарк.-тадж. *лаби ҳавзи сангинба* 'на берегу каменного водоема', касанск. *инҷонда*, самарк.-тадж. *хамин ҷоба* 'здесь, в этом месте' и т. д.

4. Исходность, начало действия обозначаются предлогом *аз*, например, *аз хона* 'из дома' *аз асп пудомат* 'слез с лошади', *ман аз кучук тарсидам* 'я испугался собаки', *шутур аз гов калон будас* 'верблюды больше коровы' и т. д.

В чустском говоре конечный *з* предлога опускается или ассимилируется с начальным согласным следующего слова.

5. Орудийность и совместность одинаково выражаются при помощи послеслога *катӣ*, (*қатӣ*), например, *асп катӣ омад* 'приехал на лошади', *уртоғам катӣ* 'с моим товарищем', *як диригиш катӣ* 'друг с другом' и т. д.

Иногда в касанском говоре в значении орудийности употребляется послелог *ба* (*ва*).

В чустском говоре в значении орудийности и совместности одинаково возможен предлог *бо*: *бо калам* 'карандашом', *бо аком* 'с братом' и т. д.¹

Местоимения личные суть: ед. ч. *ман*, *ту*, *вай*, мн. ч. *моҳо*, *шумхо*, *вайхо*.

Местоимение 3-го лица ед. ч. *вай* является и указательным местоимением, например, *вай одам гуфт* 'тот человек сказал', *бад аз вай* 'после того' и т. д. Такого рода различие значений местоимения *вай* известно в самаркандско-таджикском говоре, но не свойственно большинству таджикских говоров².

Другие указательные местоимения: *ин* 'это, этот', *ҳамун* 'тот', *ану ана* 'вон тот'.

Вопросительное местоимение *се?* 'что?', например, *се када шиштикид* 'что вы делаете?' и т. д.; в чустском — это местоимение *са?* в общетаджикском — *чи?* *че?* В узбекских говорах чередование *с/ч* также известно, например, *ҷи/сҷи* 'волосы', *ҷичук/сучук* 'сладкий' и т. п.

Из области глагола перечислим кратко глагольные формы:

¹ О. Джалалов. Отношение чустского диалекта..., стр. 18.

² И. И. Зарубин. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Л., 1928, стр. 110.

1. Повелительные глаголы *ма-мибийём* 'приду-ка я', *биёгун* 'приходите', *биёгунт* 'пусть он приходит', *яшамииш кунгут* 'да здравствует', *рав* 'иди', *равит* 'идите' (Вы), *равитон* 'идите' (вы) и т. д.¹

2. Прошедшее результативное—обычное и для всех других говоров: *ман омадам* 'я пришел', *моҳо омадим* 'мы пришли', *ту омадӣ* 'ты пришел', *шумҳо омадитон* 'вы пришли', *вай-омат* 'он пришел', *вайҳо омадан* 'они пришли'.

3. Давнопрошедшее: *рафтудам* 'я ходил', *рафта будут* (в языке детей) 'он ходил', *шиштудас* 'сидел', например, *ман Бухорова рафтудам* 'я ездил в Бухару', *Бухорова бачагӣ-манда як рафтудам* 'в детстве я раз ездил в Бухару', *ман шумоа гуфтудам* 'я говорил вам' и т. д.

4. Прошедшее причастное: *ман омада мондагӣ* 'я прибыл' и т. д.

5. Прошедшее длительное: *аз куча гузашта бирафтофту-дас* 'переходил через улицу', *кор кадофтудам* 'я работал, продолжал работать' и т. д.

6. Прошедшее продолжающееся: *шиштакам* 'сел и сижу', *се када шиштикид* 'что вы делаете?', *одамо шйштакан* 'люди сели и сидят', *қулоқ андохта шиштас* 'сел и слушает' и т. д.

7. Настоящее-будущее как в общетаджикском с приставкой *ме-* (в чувском *ми-*), например, *меравам* 'иду', *кор мекунам* 'работаю', *мехоравам* 'лежу', *сарам дар мекунад* 'у меня болит голова' и т. д.

8. Настоящее данного момента: *рафтофтакам* 'я иду', *ҳозир би рафтофтакам* 'я сейчас иду', *рафтофтики* 'ты идешь', *рафтофтиким* 'мы идем', *рафтофтикит* 'вы идете', *кучук wow-wowгуфтофкас* (= *акидофкас*) 'собака лает', *ҳунда об окидасадас* (= бухарск. *об рафсодас*) 'варыке течет вода' и т. д.

9. Настоящее длительное: *рафта меистом* 'я хожу, захожываю' и т. д.

10. Будущее долженствовательное: *Бухорова як мирафтагӣ ман* 'я намерен съездить в Бухару' и т. д.

11. Сложные глаголы обычны, как и в других таджикских говорах, например: *ин кас аз хона бурамода бирафт* 'этот человек вышел из дома', *ин кас гуфта гузашта бирафт* 'этот человек сказал (высказался)', *як кас хонава даромада омад* 'некий человек зашел в дом', *адресаша пурсида гирифтам* 'я спросил его адрес', *шумо коҳиш (ғам, сиқилмиш) када*

истодикидми? 'вы обижаетесь (печалитесь, стесняетесь)?', *када додам* 'я сделал' и т. д.

12. Страдательные глаголы, как и в общетаджикском, образуются с глаголом *шудан*: *навишта шуд* 'написан', *гирифта шуд* 'взят', *дода шуд* 'отдан' и т. д.

13. Побудительные глаголы от основы настоящего времени образуются с аффиксом *-ан* (*-он*): *кунондам* 'я заставил сделать', *нависондам* 'я заставил написать', *хонондам* 'я научил', *шинондам* 'я усадил', *гирондам* 'я заставил взять' и т. д.

Такова в самых кратких чертах характеристика грамматического строя касанско-таджикского говора.

Перед тем как сделать некоторые выводы в отношении результатов таджикско-узбекского двуязычия на примере касанского таджикского говора, приведем еще небольшой связный текст сказки, для того чтобы составить более полное представление об этом говоре.

1. *Кадым замонанда як подшо гузаштудас.* 2. *Вай пош'и'о яг руз йт када аз кўча гузашта бирафтофтудас.* 3. *Кўчанги джўя лавашанда як одам се-чорта пўст шушта шиштудас.* 4. *Пош'и'о вай одама дида гуфтки: ҳама одамҳо йт када гашта-кан-у шумо се када шиштикид-индҷанда?* 5. *Вай одам гуфтки: нўҳа сева зада шиштакам, гуфт.* 6. *Подшо ин гапа ма'ноша надониста аз вазирҳои пурсид; вазирҳоям ин гапа ма'ношва реста натонист.* 7. *Бад аз вай пош'и'о ҳамун одама чегонт/чегонда/ҳамун гапи гуфтигиша ма'ноша пурсит.* 8. *Вай одам гуфтки — нўҳа сева задофтакам — гуфтигим, як соланда се ма кор мекунам нўҳ ма кор накада мехоравам.* 9. *Шумо дидеги вахтанда ҳамунсе маҳа кор мекардегӣ вахтам буд; ҳамунба ман йт накада кор кадофтудам.*

П о д с т р о ч н ы й п е р е в о д

1. В прежнее время жил-был один падишах. 2. Этот падишах однажды, празднуя праздник, проходил по улице. 3. На улице, на берегу арыка некий человек три-четыре шкуры сидел промывал. 4. Падишах, увидев того человека, сказал: «все люди празднуют праздник, а вы сидите здесь?» 5. Тот человек сказал: «я сижу и бью девять тремя», — сказал. 6. Падишах не понял смысла этих слов и спросил своих везирей. Его везири не могли постичь смысла тех слов. 7. После того падишах спросил у того человека о смысле сказанных им тех слов. 8. Тот человек сказал: «сказанное мною, — девять тремя бью, — это значит, что в году три месяца я работаю, девять месяцев не работаю. 9. Когда вы видели меня, было время, в которое я три месяца работал; тогда я не праздновал, — дело делал».

¹ Ср. И. И. З а р у б и н. Очерк разговорного языка самаркандских евреев, стр. 112; О. Д ж а л а л о в, Ук. раб., стр. 32.

III

В каком направлении влияет таджикско-узбекское двуязычие на касанский говор? Прежде всего двуязычие отразилось на словаре, на словарном составе этого говора. Уроженец и житель Касана Саид-Ахмад Парпиев в качестве курьеза привел одну фразу из соседнего таджикского говора кишлака Такаранг: *мушука қулла қунам, терака уचाбба буромда бирафт* (то же в касанском говоре: *гурвал қуқмиши қунам сапедора ногашбба буромад*) 'я погнался за кошкой, а она забралась на макушку тополя'.

В приведенной фразе из таджикского говора кишлака Такаранг грамматическая связь выражена по-таджикски, а слова, именно четыре слова из семи, узбекские: *мушук* 'кошка', *қулла* 'гнать', *терака* 'тополь', *уч* 'макушка'.

И в касанском таджикском говоре постепенно происходил отбор лексик из таджикского и узбекского словарей. В результате образовался один словарь из двух источников, например, собственно таджикские: *дахан* 'рот', *дандон* 'зубы', *мўисар* 'волосы', *панжа* 'палец', *чишим* 'глаза', *сар* 'голова', *даст* 'рука' (вся), *зону* 'толень', *банди по* 'нога' (от колена до ступни), *гардон* 'шея' и т. д. и, с другой стороны, усвоены из узбекского: *қулоқ* 'ухо', *қош* 'брови', *қавоқ* 'веко', *кипирик* 'ресница', *билак* 'рука' (от запястья до плеча), *кокрак* 'грудь', *сон* 'бедро', *туқ* 'волосы' (на теле), *кил* 'волос' и т. д.

То же, например, среди названий животных всякого рода есть собственно таджикские слова: *мурк* 'курица', *хурос* (= *хурус*) 'петух', *чуза* 'цыпленок', *асп* 'лошадь', *гов* 'корова', *ғусала* 'теленки', *гусфанд* 'овца', *гурва* 'кошка', *шутур* 'верблюд' и т. д., и обычно узбекского происхождения — *ешак* 'осел', *ечки* 'коза', *топча* 'жеребенок', *қујан* 'заяц', *тулки* 'лиса', *ўрдак* 'утка', *ғоз* 'тусь', *қарға* 'воропа', *бўйуғли* 'сова', *балиқ* 'рыба', *шохдор қунғус* 'рогатый жук' и т. д. Совершенно так же обстоит дело в части лексики в чустском говоре¹.

Узбекские слова вошли органически в таджикскую речь касанцев, например (слова узбекского происхождения набраны полужирным курсивом): *аз аспа думаши як дона кил кандам* 'из хвоста лошади я выдернул один волосок', *билагам даркад* 'у меня болит рука', *аспа қулоғаш* 'уши лошади', *қулоқ андохта шийтас* 'слушает', 'сидит слушает', 'внимательно слушает'².

¹ О. Д ж а л а л о в. Отношение чустского диалекта..., стр. 42—43.

² Обратный случай в сочинении «Мубајјин» Захираддина Бабур (XVI в.), где в одном стихе: *білкі нарджана бар тилла ва қулуш*, *ајтај алар нисабі тут ғўш* 'знай, что наличные деньги еще есть'.

ман як қуша қапидам 'я поймал птицу', *ўсмаи сиё харида*, *келина қошабба молидем* 'купив усму'¹, подвели мы брови невесте' (из песни) и т. д.

В большей или меньшей степени узбекские словарные заимствования усвоены и в общетаджикском языке и в других таджикских народных говорах².

Однако узбекские заимствования в касанском говоре отличаются от таких же заимствований в общетаджикском языке не только по объему, но и по своему составу и значению в целом ряде случаев. Так, общетадж. *ала-қарақ* 1) 'недозревшая коробочка хлопка'; 2) 'запал у лошади', в касанском же *ала қароқ* 'исхудалая лошадь'; общетадж. *бадқилиқ*, в касанск. *кандақилиқ* 'дурного нрава'; общетадж. *бадқабоқ*, в касанск. *қавоғаш гифтасадас* (узб. *қавғаш салинган*) 'угрюмый'; общетадж. *булак* 'кусочек', в касанск., как и в чустском говоре, *булак* (ср. *булак чиз*) 'другой'; а *бурда* 'кусочек', общетадж. *қичима*, в касанск. *хачир* или *қутур* 'чесотка'; общетадж. *оташдон*, *учоқ*, в касанск. только *оштон* 'очаг' и т. д.

Основная масса узбекских заимствований в касанском таджикском говоре — это имена существительные. Двуязычие в словаре приводит к появлению словарных дублетов, например, узб. *аз* и тадж. *шикор* 'охота', узб. *још* и тадж. *зувон* 'молодой', узб. *сал* и тадж. *амад* 'плот' и т. д. Затем происходит отбор одного из дублетов и вытеснение другого, или семантическое уравнивание, дифференциация значений, например, в касанском говоре тадж. *даст* значит 'вся рука', а узб. *билак* 'рука от запястья до плеча', или в чустском говоре тадж. *тавар* 'колун', узб. *болта* 'топорик', т. е. первоначально однозначные слова использованы в различных значениях.

В отдельных случаях словарные дублеты образуют парные словосочетания, например, в бухарском таджикском говоре *бад-кейин* (тадж. *бад* 'после', узб. *кејін* 'после') 'после', 'потом' и т. д.

Словарные заимствования сами по себе не изменяют грамматической структуры языка.

золото и серебро, я расскажу об их назначении, а ты слушай', и в другом стихе *тут қулақ* 'слушай'. Отсюда явствует, что Бабур употреблял одинаково тадж. *ғўш* и узб. *қулақ* 'ухо', 'уши' в приведенном выражении. Рукопись Института востоковедения АН Узб. ССР, № 312, л. 83б, л. 34а.

¹ *Усма* — растение, соком которого красят брови.

² Ср. И. И. З а р у б и н. Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г., Л., 1930, стр. 24—28 и др., Н. К и с л я к о в. Описание говора таджиков Вахио-боло, 1936, стр. 56—57 и др. Таджикско-русский словарь, т. I, Сталинабад — Ташкент, 1946, стр. 73, 101 и др.

Таджикско-узбекское двуязычие, в частности, и в касанском таджикском говоре распространяется на ряд явлений, обнимающих и лексику в широком смысле слова и область грамматики.

Помимо словарных калек и заимствований вроде словосочетаний, например, *қуроқ кўрна* (= общетадж. *кўрнаи қуроқи* из узб. *қурқ қорна*) 'одеяло из лоскутков', *қавоғаш гифтасадас* (из узб. *қавғаш сўлингаш*) 'угрюмый' и т. п., в касанском таджикском говоре усвоены многочисленные узбекские имена глагольного происхождения, преимущественно архаические отглагольные имена на *-миш*.

Такого рода отглагольных имен на *-миш* усвоено в касанском говоре значительное количество, например: *ман рафтаи хохламиш накадам* 'я не хотел идти', *ғавға лағашанда камакак јўзилмиш кадам* 'я растянулся на берегу водоема', *кўчанда уртоғам катй куришмиш кадам* 'на улице я повидался с товарищем', *ду бача як дириғиш катй мушлашмиш кад* 'два мальчика подрались друг с другом', *кўчанда як кас мамба учрашмиш кад* 'один человек повстречался мне на улице', *кўчанда акомба як одам учрашмиш кадас* 'на улице моему брату повстречался один человек', *ман як кас катй гаплашмиш кадам* 'я говорил с одним человеком', *як қуяна қушмиш кадам* 'я гнал зайца', *тулкия гурк буғмиш кадас* 'волк придушил лису', *джангаланда як гурга дида бушашмиш када бирафтам* 'в зарослях я увидел волка и испугался', *джўнғей об һавлиға ейилмиш карт* 'вода из арыка разлилась по двору', *балиқ оғлашмиш кадам* 'я ловил рыбу', *атала човлашмиш кадам* 'я мешал похлебку', *адашмиш када бирафтам* 'я заблудился', *шошлмиш када бирафтам* 'я растерялся', *сурашмиш кадам* 'я поздоровался' и т. д.

Узбекские архаические отглагольные имена на *-миш* обычны в качестве именной части сказуемого с вспомогательным глаголом *кардан* 'делать' и образуют большую группу новообразований. Характерным является то, что узбекские отглагольные имена на *-миш* являются определенной формой использования глагольных имен и при этом в различных залоговых значениях, например, *ёзилмиш* (<узб. *јазил* — страд.-возвр. от *јаз* 'стлать', 'расстилать'), *куришмиш* (<узб. *коріш* — взаимн. глагол от *кор* 'видеть') и т. д.

Форма на *-миш* распространена и в других таджикских равнинных говорах, в частности в чустском, например, *шумо кексамииш када мондит* 'вы постарели' (<узб. *кекса* 'стареть', 'делаться старым'), *ман азор ну-сад унолтинчи соланда туғулмиш кадам* 'я родился в 1916 году' (<узб. *туғул* 'ро-

диться'), *ман јул-јуругаша тушунмиш кадам* (<узб. *тушун* 'понимать') 'я понял его цели и задачи' и т. д.¹

Кроме того, в касанском таджикском говоре, как и в чустском и некоторых других, усвоены отдельные узбекские глагольные основы, частью в качестве имен действия, частью в качестве спрягаемых таджикских глаголов. Например, как имена действия употребительны: *қарзаша қис карт* (<узб. *қис* 'сдавливать', 'ограничивать') 'он уплатил свой долг', *јетала када [мірум]* (<узб. *етакла* 'вести за собой', 'вести на поводу'), 'веду на поводу', *корам қистоб буд барои ғамун шошлмиш кадам* 'дело у меня было неотложное, поэтому я торопился' и т. д.

Узбекские глагольные основы, например, *сиқ* 'давить', *ич* 'пить' и др., вошли в касанском говоре в систему таджикского спряжения, например, *патинкам почама сиққонд* 'ботинки жмут мне ноги', *ичида бирафт* 'выпил', *ман чой ичидофтакам* 'я пью чай', *ту чой ичидофтики* 'ты пьешь чай', *вай чой ичидофтас* 'он пьет чай', *моғо чой ичидофтиким* 'мы пьем чай', *шумғо чой ичидофтикимтон* 'вы пьете чай', *вайғо чой ичидофтадан* 'они пьют чай' и т. д.

В чустском говоре спрягаются узбекские основы *ич* 'пить', *чол* 'играть на музыкальном инструменте', *чок* 'курить' и др. В самаркандском таджикском говоре заимствованные узбекские глагольные основы с конечными гласными остаются неизменными, основы же с конечными согласными приравниваются морфологически к отвлеченным существительным на *й*, как в случаях с *још* 'молодой' и *јошй* 'молодость', *чуқур* 'глубокий' и *чуқурй* 'глубина' и т. п., например, *муйсарам усь кардас* (узб. *ос* 'расти') 'волосы у меня выросли', *кўча айланй кардам* (узб. *ајлан* 'вертеться', 'кружиться'), 'я прошелся по улице', *вай кишлоқба ғўна кардас* (узб. *джона* 'отправляться') 'он отправился в кишлак' и т. д.

Это, повидимому, является нормой и для других говоров, например, сам.-бух. *кора ғўла када кун*, касанск. *кора ғўй када кун* (узб. *ојла* 'думать', *ој* 'дума') 'делай дело, подумай'; самарк. *радио сойра мекунад*, бухарск. *радио гап мезанад*, касанск. *радио сайрашмиш мекунад* (*гап мезанад*, *гап задасадад*) 'радио поет' (узб. *сајра* 'петь' (о птицах); самарк. *пула тула кардим*, бухарск. *пула тулашмиш кардам*, касанск. *пула толашмиш кадам* (узб. *тола* 'платить') 'я уплатил деньги'; самарк. *оғй кард*, бухарск. *ёна шуда рафт*, касанск. *оғдар шуд*

¹ См. О. Джалалов. Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному яз., стр. 56, 48 и др.

12 Ученые записки Ин-та востоковедения, т. IV

(<узб. эр 'сваливаться', эрдар 'сваливать') 'наклонился', 'накренился'; самарк. батинкам почима қис қард, бухарск. патинка пойама қис қарт (или тикилмиш қарда монд), касанск. патинкам почама сиққонд (<узб. қис, сиқ 'давить', 'жать') 'мой ботинки жмут мне ноги'; самарк. джўба ош меоқад, бухарск. джўйба об рафсодас, касанск. джўнда об оқидасадас (<узб. эқ 'течь') 'в арыке течет вода'; самарк. ош анора сиққонда хурдам, бухарск. анора миджиқ қарда абаша хурдам, касанск. оби анора сиққонда хурдам (<узб. сиқ 'давить', 'жать') 'я выпил сок, выжав гранат'; чустск. шумо кексаймиш када мондит 'вы постарели', ба вай махта қадас (<узб. мақта 'хвалить') 'он стал хвалить его', мана олда кат (<узб. элда 'обманывать'), 'он обманул меня' и т. д.

Таким образом, в таджикских говорах имеют место три случая употребления заимствованных узбекских глагольных основ: 1) архаическая форма узбекского отглагольного имени на -миш усвоена в качестве именной части составного сказуемого, 2) основа глагола приравнивается к причастию или имени также в качестве именной части составного сказуемого, 3) в отдельных (единичных) случаях заимствованные основы включаются в систему таджикского глагола.

В области фонетики влияние таджикско-узбекского двуязычия отразилось в касанском говоре на увеличении оттенков гласных фонем, например, а и более переднее ä, небольшом количестве случаев э > а, размещении о близко к узбекскому типу: бајроқ 'флаг', ош 'охота', улов 'выючное животное' и т. д.; ср. самарк. тадж. байрак, ав, улав.

В чустском таджикском говоре, если полагаться на записи 1937 г. О. Джалалова, помимо большого числа словарных заимствований, усвоен ряд узбекских морфологических элементов:

1. Появились своеобразные морфологические плеоназмы, например, два суффикса сравнительной степени тадж. -тар¹ и узб. -роқ: чуқуртарроқ или чуқурроқтар 'глубже' (узб. чуқур 'глубокий'), тезроқтар рав 'иди поскорее' и т. п.; параллельно употребительны тадж. предлог аз 'из', 'от' и узб. исходный падеж -дан в том же грамматическом значении, например, аз як косип аилашдан дунёва олдам 'я родился в семье (букв.: от семьи) ремесленника'.

2. Числительные количественные и порядковые, в пределах единиц и десятков, употребительны и таджикские на -ум,

¹ В узб. камтар 'скромный' и камтарроқ 'скромноватый', 'в значительной мере скромный (человек)', с тем же плеонастическим употреблением двух суффиксов, из которых первый не осознается морфологической принадлежностью слова.

-юм и узбекские на -нчи, -инчи параллельно, как это специально оговаривает О. Джалалов.

3. В чустском говоре усвоен из узбекского особый аффикс наречных числительных совместности (от одного до семи), именно -ла или -ламиш: дутталамо — эккаламо 'мы вдвоем', дутталатон 'вы вдвоем', сетталамиш — уччаламиш 'втроем' и т. д.

4. В чустском говоре встречается и узбекский аффикс уподобления -дак: Ахматдак будас 'он был вроде Ахмата'.

5. Большой интерес представляет в чустском говоре особая отрицательная форма причастного прошедшего времени: ка-дигим не, кадигит не, кадигиш не, кадигим не, кадигитон не, кадигишон не 'я не сделал', 'ты не сделал' и т. д., развившаяся, по предположению О. Джалалова, под влиянием соответствующей узбекской формы қилганим йўқ, қилганинг йўқ, қилгани йўқ и т. д.

6. В отдельных случаях встречается узбекская частица -оқ (ёқ) 'уже', 'как только', например тахсимандаёқ 'при одном только распределении' и т. д.

7. Особую группу словарных заимствований из узбекского составляют в чустском таджикском говоре уже известное нам архаическое отглагольное имя на -миш: шошилмиш қардан 'торопиться', югурмиш қардан 'бежать', дилам хавлукмиш кат 'сердце мое встревожилось', бошланмиш кат 'начался', 'началось' и т. д.; имена действующего лица на -чи, например, кетманчи 'кетменщик', чечакчи 'фельдшер' (прививающий, оспу) и т. д.; имена отвлеченные на -лик и -чилик, например, пахтачилик 'хлопководство', туқчилик 'достаток', 'зажиточная жизнь', тирикчилик 'жизнь', 'существование' и т. д.

8. В чустском таджикском говоре больше случаев использования отдельных узбекских глагольных основ в системе таджикского спряжения: спрягаются узбекские основы тик-, чакмок 'курить', ич- (узб. ичмок 'пить'), чол- (узб. чолмок 'играть на музыкальном инструменте'), например, чокиди, чокит 'я курил', 'ты курил', 'он курил' и т. д. (ср. -самарк. тадж. мечоккам 'я курю'); ичам, ичи, ичат, ичим, ичит (ичитон), ичан 'я пью', 'ты пьешь', 'он пьет' и т. д. от узбекских основ, вошедших в систему чустско-таджикского глагола.

Как и в других равнинных таджикских говорах, в чустском употребительна вопросительная частица -ми, узбекского происхождения, и особая форма редупликации для выражения интенсивной степени прилагательных, также узбекского происхождения, например, кап-калон 'большой-пребольшой',

тўптула 'полным-полно', *чип-чиркин* 'грязный-прегрязный' (ср. самарк. тадж. *дуппа-дурус* или *дубдурус* 'совершенно здоровый') и т. д.

Кроме того, в чустском говоре усвоены отдельные выражения и обороты из узбекского, например, *район ёшлар кумитаси тамананидан* (узб. *район ёшлар комитаси томонидан*) 'от (со стороны) районного комитета комсомола'; *мадани сари рафтан учун* (узб. *маданият сари бормок учун*) — общетадж. *барои ба маданият расидан* 'дабы достичь культурности'; *авансомдан ташкари* (узб. *авансимдан ташқари*) 'сверх моего аванса' и т. п.¹

Изменения в синтаксисе в чустском таджикском говоре вызваны подменой препозитивных форм постпозитивными, в результате употребления узбекского суффикса исходного падежа или послелога *учун*.

В этом смысле чустский таджикский говор занимает особое место среди таджикских ферганских говоров.

Следует, разумеется, учесть, что записи О. Джалалова относятся к 1937 г. В настоящее время не заметно какого-либо усиления влияния таджикско-узбекского двуязычия на чустский говор, напротив, общетаджикское словоупотребление скорее усилилось.

IV

В какой мере таджикско-узбекское двуязычие сказалось на словаре и грамматическом строе касанского говора? В свое время М. С. Андреев отвечал на этот вопрос в том смысле, что касанский говор постепенно теряет свои исконные свойства и подвергается «отуречивающему влиянию со стороны равнин»²

Историки вообще склонны были рассматривать процесс «отуречения» таджикского языка, как постоянный процесс после арабского завоевания Средней Азии. «История Туркестана в мусульманский период, — писал акад В. В. Бартольд, — есть история постепенного вытеснения иранских наречий турецким языком...»³ Этот процесс, по утверждению акад. В. В. Бартольда, продолжался и в новейшее время⁴.

¹ См. О. Джалалов. Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному языку, стр. 19, 24, 28, 31, 54, 58.

² М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район. «Изв. об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, стр. 110.

³ Акад. В. В. Бартольд. Мусульманский мир. Пг., 1922, стр. 40. Ср. М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 154—155.

⁴ См. В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, авг.—дек. 1920 г., ИФХ, 1921, Прилож., стр. 78.

Под влиянием соображений исторического, антропологического и этнографического порядка, в первую очередь, и рассматривался до сих пор вопрос о взаимном влиянии таджикского и узбекского языков, в плане «отуречения» первого и «иранизации» второго.

В свое время П. Е. Кузнецов пришел к тому убеждению, что языки таджикский и узбекский или оба эти «наречия», как он говорил, «представляют собою как бы клише одно другого»¹. Но, как было уже замечено², П. Е. Кузнецов очень примитивно подошел к сравнению этих языков.

Так же упрощенно, без привлечения сравнительных данных, рассматривается вопрос о взаимоотношении таджикского и узбекского языков в статье М. Ставрulli³.

Четыре обстоятельства мешали правильной постановке вопроса о взаимоотношении таджикского и узбекского языков:

- 1) кажущаяся бесспорность исторических, антропологических и этнографических соображений об «иранизации» узбекского и «тюркизации» таджикского языков;
- 2) взгляд на таджикский язык, как на диалект (наречие) персидского языка, отрицание его самобытности;
- 3) фонетический, по преимуществу, подход и
- 4) недостаточное внимание к сравнительным данным иранской и тюркской филологии.

Однако нельзя рассматривать вопрос об «отуречении» таджикского языка и «иранизации» узбекского абстрактно, на основании отдельно взятых признаков или предположений. «Скрепчивание языков, — указывает И. В. Сталин, — есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет»⁴.

Взаимодействие таджикского и узбекского языков имеет глубочайшую историческую перспективу. Махмуд Кашгарский в XI в. отличал «чистые тюркские языки» и говоры двуязычных согдийских колонистов в городах на юге Восточного Туркестана и в долинах Чу и Таласа. По словам Махмуда Кашгарского, жители города Баласагуна говорили по-согдийски и по-тюркски, как и жители Тараза (Аулиа-ата, ныне Джамбул) и «Белого города» (Исфиджаб, Сайрам). В Хотане говорили на особом языке,

¹ П. Е. Кузнецов. О таджиках Наманганского уезда. «Изв. Туркестанского отд. ИРГО», т. XI, вып. 2, часть 1, Ташкент, 1915, стр. 27.

² См. И. И. Зарубин. Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан. Приложение к протоколу XVI заседания ОИФ АН СССР, 2 дек. 1925 г., стр. 2.

³ См. М. Ставрulli. К вопросу о двуязычии. Журнал «Просвещение национальностей», № 4, июль — авг. 1935, стр. 38 и след.

⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 29.

там была своя письменность, по-тюркски там в XI в. хорошо не говорили¹.

Вопрос о взаимодействии таджикского и узбекского языков с исторической точки зрения не изучен.

Н. А. Аристов связывал «отуречение иранцев» в Средней Азии с карлуками².

Акад. Ф. Е. Корш обратил внимание на случай заимствования из какого-то тюркского языка в таджикском-шугнанском — *читтык чапан* 'ситцевый халат' и сослался при этом на желательность «определения того тюркского наречия, из которого много слов вошло в шугнанский язык». Сам Ф. Е. Корш высказывал догадку о «каких-нибудь остатках восточно-тюркского племени», откуда заимствования попадали в шугнанский³.

Уже первое знакомство с узбекскими заимствованиями в таджикских говорах наводит на мысль об очень старых связях этих двух языков. В таджикской лексике, заимствованной из узбекского, есть много слов, указывающих на период до XII в. и от XIII до XVI в., когда эти слова были усвоены в таджикских говорах.

В таджикских говорах есть слово *қўрўғ* 'общее пастбище по берегу реки, арыка' и, наряду с этим, *қўрўғ мол* 'сторож посевов', *қуруқ кардан* 'захватить' (что-либо в собственное владение). Слово *қуруқ* встречается уже в XI в. у Нершахи, по сообщению которого словом *қуруқ* хан назвал свое ханское имение. В монгольский и послемонгольский период этим словом обозначались все заповедные, запретные места, например, ханские кладбища, владения, ханский гарем⁴. Примерно в таком значении слово *қуруқ* встречается в таджикском документе XVI в. из архива бухарских шейхов Джуйбары⁵.

¹ См. С. Brockelmann, Mahmud al-Kašghari über die Sprache und die Stämme der Türken in XI Jahrh. Körösi Csoma-archivum. I Kötet, 1 Szam, Budapest, 1921, Apr., 1, стр. 37.

В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском, «Иран», 1, 1926, стр. 36; Н. W. Bailey, A Turkish-Khotanese Vocabulary, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XI, part 2, pp. 290—296, Turks in Khotanese Texts, IRAS, Jan. 1939, стр. 85—91.

² Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897, стр. 165—172.

³ Ф. Е. Корш. Рецензия на «Восточные заметки». Сб. статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Петербургского университета, отд. оттиск, М. 1900, стр. 12; «О проникновении карлуков в Бадахшан и Шугнан в эпоху до арабского завоевания» см. В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 105.

⁴ В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, ЗВО, т. XXII, отд. оттиск, стр. 8—9.

⁵ Из архива шейхов Джуйбары, т. I, М. — Л., 1938, стр. 470; строка 14.

В старых словарях *қуруқ кардан* или *қуруқмиш кардан* трактовалось как 'запрещать', 'положить запрет'¹.

В современных таджикских говорах слово *қуруқ* сохранилось в производных значениях.

В таком же роде таджикское *қадаған* 'запрет' (ср. *қадаған кардан* 'запрещать', *қадағанқуни* 'запрещение', *қадаған кунанда* 'запретительный') было усвоено в свое время из узбекского, причем в современном узбекском языке это слово архаическое.

Слово *айлоқ* 'летовка', известное в ваханском таджикском говоре (узб. *jałw*, арханч. *jəzloq*), также относится к старым заимствованиям, как и тадж. *утоқ* 'комната' (= узб. *otw* 'юрта') *ёри* 'мятежник' (= узб. *jw* 'враг', арханч. *jəri* 'мятежник') и т. д.

В этом смысле большой интерес представляют распространенные в таджикских говорах известные нам заимствования в форме архаических отглагольных имен на *-миш*. В современном узбекском языке эти имена не употребительны и сохранились лишь в редких случаях в отдельных говорах (андижанский, андхойский), в общеузбекском они превратились в единичных случаях в существительные, например, *турмиш* 'жизнь', *отмиш* 'прошлое', 'былое' и т. п.

И. Н. Березин в свое время предполагал, что заимствованные формы на *-миш* проникли в язык летописей Рашид-ад-дина (XIV в.) из южно-тюркских языков (туркменского, азербайджанского, турецкого). Владычество хулагидов, по его словам, «принесло довольно подобных тюркских или даже монгольских слов в официальный персидский язык».

Будучи южно-тюркскими причастиями прошедшего времени, они принимали на конце *i* с ударением на нем и превращались в персидские существительные тюркского происхождения².

Соображения И. Н. Березина о «южно-тюркском» происхождении формы на *-миш* в таджикских говорах не может быть признано правильным. Отглагольные имена на *-миш* были широко употребительны в староузбекском языке раннего периода и в языке Алишера Навои и его современников.

У таджикских писателей XIV—XV вв. заимствования на *-миш* весьма обычны, как и у известного историка монгольской эпохи Рашид-ад-дина (1247—1318), например, у историка Тимура Гияс-ад-дина Али: *зимистон дар оғангарон қишламиши-фармуд* 'зиму перезимовал (узб. *қишла* 'зимовать') в Ангрене',

¹ Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, стр. 52. Ср. *Гияс-ул-лузат*, стр. 601.

² И. Н. Березин. Сборник летописей..., ч. 1, стр. 221, прим. 42 стр. 231, прим. 44.

он миқдори лашкареки ғамроҳ, дошт ясамиш фармуд 'он привел в порядок (узб. *јаса* 'делать', 'строить', 'образовывать') войско, которое имел с собой' и т. д.¹

Таким образом, известное количество узбекских заимствований проникло в таджикские говоры в эпоху XI—XV вв.

Таджикско-узбекское языковое взаимодействие в разные исторические периоды протекало в различных условиях. Долго продолжалась в Средней Азии борьба за преобладание литературных языков — арабского, таджикского и узбекского.

После падения таджикской династии саманидов в конце X в. таджикский народ утратил свою государственную самостоятельность и входил в державы караханидов и газнеvidов (XI—XII вв.) — сельджукидов и хорезмшахов (XI—XIII вв.), и после монгольского ига в империи Тимура и тимуридов (XIV—XV вв.), — в состав узбекского ханства шейбанидов и узбекских ханств бухарского и кокандского (XVI—XIX вв.).

Однако таджикский язык не утратил своего культурного значения и общенародного характера. И. В. Сталин указывает, что известные империи рабского и средневекового периодов «представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»². Таковы были исторические условия в эпоху средневековья и в Средней Азии. Таджикский язык не утратил своей самостоятельности, значение его было велико в культурной жизни Средней Азии. На таджикском языке непрерывно развивалась литература, он продолжал сохранять свое значение и в административной переписке на протяжении XI—XIX вв.

Следует особо подчеркнуть, что в Бухарском ханстве, равно как позднее и в Кокандском ханстве, вся деловая переписка велась на двух языках — таджикском и узбекском. Это относится к ханским грамотам, вакуфным, судебным и тому подобным документам.

Таджикско-узбекское двуязычие в литературе обнаруживалось весьма часто. Примером может служить тефсир (толковник) из города Карши, датируемый «эпохой тимуридов». Переводчик этого тефсира толкует отдельные места то на староузбекском, то на таджикском языке, то поясняет староузбекские фразы таджикскими, а в отдельных случаях сам не замечает отступлений и пользуется обоими языками в одном предложении. Это можно видеть из следующих примеров:

¹ «Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али», изд. Л. З. Зимина, под ред. В. В. Бартольда. Петроград, 1915, стр. 35, 45 и др.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

1) андин ким барилдилар йа'ни сабаб ул турур ким муҳад-жирлар анларинг евларини фуруд омада буданд конгуллариини тār қилмадилар... «ибо ходили (они), т. е. причина та, что беглецы посещали их дома и они не скупились...»

2) билālни менка бергил, айтди — низ хоҳам, гўфт, — чил руғийа дāрам дигар йана берайин теди 'продай мне Биляля', — сказал он. — 'Желаю еще, — сказал (торговец), — я имею сорок руний; кроме того еще дам'¹.

Таджикскому поэту XV в. Абдурахману Джами приписывается четверостишие на таджикском и староузбекском языках — это лишний раз свидетельствует о том, что Джами хорошо знал староузбекский язык и мог свободно пользоваться им. В этих стихах чередуются строки на таджикском и на узбекском языках²:

Эй лабат пурхандаи чашии сиёҳат маст хоб,
Икки зулфунг орасида ой юзингдур офтоб,
Мастии май мекунад рӯи туро ғарқи арақ,
Бода ичсанг тўжилур икки кизил юздин гулоб.

О (ты), чьи в улыбке уста, чьи глаза хмельны сном!
Луноликое лицо твоё точно солнце среди локонов двух.
Лицо твоё в пот погружает опьянение вином,
Когда выпьешь вина, с щек румяных твоих стекает розовая вода.

Характерно, что Алишер Навои утверждал, собственно, обратное, т. е. указывал на широкое распространение таджикского языка среди «тюрок», которые «от нукера до бека» говорили на нем, и что таджики, напротив, «от черни до знати, от неграмотных до ученых» в его эпоху не говорили и не понимали «по-тюркски»³.

Сам Алишер Навои, как и многие его современники, писал на двух языках — на узбекском и на таджикском.

Такого рода литературная традиция удерживалась до конца XIX в. На двух языках писали, в частности, кокандские поэты первой четверти XIX в., что нашло свое отражение в «Собрании

¹ См. Рукопись Института востоковедения АН СССР № С-192, лл. 80a2; 81a7; 85b10; 97a15; 100a4; 136a12. Cp. W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien, Asia Major, II, Fasc. 1, 1925, стр. 125.

² См. газету «Қизил Ўзбекистон», 1941, 25 мая, № 121.

³ Cp. M. Quatremere. Chrestomathie en turc oriental. Paris, 1841, p. 6. Алишер Навои. Мухакаматул-лугатайн, Ташкент, 1940, стр. 18.

поэтов» — сборнике избранных стихов придворных поэтов Омар-хана (умер в 1822 г.). Составитель этого сборника поэт Фазли часто указывает в своих характеристиках отдельных поэтов, на каком языке каждый из них больше и лучше писал. Об известном поэте Гульхани в одном случае говорится, что стихи писал он на своем таджикском «горном» наречии (*ғазалҳи навишта латиғ-у-равон ба дастури алфози кухистон*), в другом месте сказано, что Гульхани говорил и по-таджикски и по-узбекски (*такаллум қилур турк ва ғарси*). Поэт Хиджлат, по словам Фазли, писал по-узбекски не хуже своих собратьев, но по-таджикски писал лучше (*ба туркӣ зихвони худ нест кам, вала тозатар ғўфт ше'ри аджам*)¹. То же примерно говорится о Хазике и Фани.

Проблема взаимодействия двух языков — таджикского и узбекского — весьма интересна. Пока очень не ясна линия преемственности в развитии разных языков на общей территории или близко соприкасающихся территориях в Средней Азии. Известно, что в бухарской области еще в конце X в. было несколько говоров согдийского языка. Один из двух главных согдийских диалектов был литературным языком Согда в VII—VIII вв. Постепенно согдийский язык уступил свое место таджикскому. Однако и ныне во многих языках народов Средней Азии сохранились слова согдийского происхождения, как *коп* 'много', *катта* 'большой', *калта* 'короткий', и большое число согдийских топонимических названий. В Хорезме и у туркмен, например, сохранилось древнехорезмское слово *ja:n* 'канал' (первоначально и 'вода', тадж. *об*) и т. д.

Интересно, что в узбекском южнохорезмском («огузском») наречии слово *goш* (тадж. *ғўшт*) 'мясо' сами носители этого диалекта считают «узбекским», т. е. принадлежащим севернохорезмскому узбекскому джекающему наречию, а «своим хивинским» признают *е:т*. Возникает вопрос — является ли это слово *е:т* 'мясо' исконно тюркским в данном случае или рефлексом древнехорезмского *jamti* (согдийского *j't*, ягнобск. *ja:t*) 'мясо', что вполне вероятно (туркм. *ет*, якутск. *ат*, чуваш. *ут*, т. е. с краткими *е, ä, ү*).

Возможно допустить случаи преемственности и в области грамматики и фонетики. Так, согдийские диалекты делились по признаку соответствия согласных *л/δ*, в Согде был распространен диалект *л*. Рефлексом этой диалектной особенности можно признать наличие перехода *δ > л* в узбекских самаркандско-

¹ По принадлежащей мне рукописи «Маджмуат-ул-мактубат» 1281 (1864) г., лл. 204б, 300а, 247а, 289б, 233б, 288а.

бухарских говорах, напр., самарк. *олли* (<*элди*) 'взял', *келли* (<*келди*) 'прибыл', *сеп болли* (<*сэб болди*) 'кончился', карш. *қолли* (<*қолди*) 'остался', *толли* (<*толди*) 'тала' (род.-вин. падеж), *олли* (<*олди*) 'умер' и т. д.

Такого рода явление известно, впрочем, и в таджикском мунджанском наречии¹.

Как бы то ни было, нельзя сводить все явления таджикско-узбекского языкового взаимодействия к «отуречению» и «вытеснению» таджикского языка или к неуклонной «иранизации» узбекского. Самая постановка таких проблем была абстрактной и неверной. Таджикско-узбекское языковое взаимодействие выявляется в самых различных формах. В этой области должен быть проведен ряд исследований.

V

Таджикско-узбекское взаимодействие является двусторонним процессом. Прежде всего в каждом территориальном говоре словарь складывается на почве местных исторически сложившихся условий. В узбекском говоре кишлака Муминабад Бухарского района часть словаря восходит к таджикскому источнику, напр., *табар* 'топор', *зальдэру-зальдэли* 'абрикос', *каш-кашон* 'молочный путь', *тирикаман* 'радуга', *рот* 'арык', 'канал', *сијди* 'скворец' и т. п. Другая часть словаря относится к древнему слою узбекского языка, напр., *јимти* 'он потерялся', *јимтирди* 'он потерял', *јавуқ* 'близкий', 'близко', *инак* 'корова' и т. д.

Два братских народа — узбекский и таджикский — веками жили в одинаковых экономических, политических и культурных условиях. Исторически сложились тесные взаимоотношения между этими двумя народами. Близкие культурные и литературные традиции оказали влияние на образование значительной общности в словаре за счет взаимного отбора бытовой лексики и разнообразной специальной терминологии.

В результате такого длительного процесса узбекский словарь пополнялся словами таджикского происхождения. В словаре Замахшари XIII в. по хорезмской редакции XV в.² представлены переводы следующих узбекских слов и выражений на таджикский язык: *јуз суви* = *обрӯй* 'авторитет', *улуг*, *чануқ* = *косаи бузург* 'большая чашка', *қолдаш* = *хамрӯн* 'спутник', *ақин* = *сел* 'паводок', 'горный ливень' и т. д.

¹ См. И. И. Зарубин. К характеристике мунджанского языка. Сб. «Иран», 1, Л., 1926, стр. 111.

² Рукопись Института востоковедения АН СССР № С-291.

В современном узбекском языке из перечисленных слов употребительны лишь слова таджикского происхождения: *оброј, кэсә, һәмрәһ, сел*.

В бухарском словаре конца XVII в. Мухаммеда Якуба Ченги даны аналогичные переводы узбекских слов на таджикский, в том числе: *көк=осмон* 'небо', *қујаиш* и *кўн=оғтоб* 'солнце', *қирғиш=шабнам* 'иней', *булақ=чашима* 'родник', *јабаи* и *олаи=даиш* 'стебель', *јафрағ=барг* 'лист', *пудāғ=шоҳ* 'ветка', *етмак* и *чурак=нан* 'хлеб', *ашилғ=ғалла* 'зерно', 'хлеб в зерне', *уй=хона* 'дом', *чучук=ширин* 'сладкий', *таитғ=маза* 'вкусный', *муңуз=шоҳ* 'рога', *дудāғ=лаб* 'губы', *қол=даст* 'рука', *ер=мард* 'муж', *козғу=оина* 'зеркало', *алтун=тилла* 'золотой', *јармак=зар* 'золото', *кёрпич=хиит* 'кирпич', *јајак=пийда* 'пеший', *куч-зур* 'сила', *учуз=арзән* 'дешевый', *отунуч=қарз* 'долг' и т. д.

Из перечисленных слов значительная часть сохранилась в современном узбекском языке; обычно они берутся из обоих источников, т. е. употребительны, например, *кок* и *осмон* 'небо', *қујаш*, *кун* и *оғтоб* 'солнце', *қирғиш* и *шабнам* 'иней', *булақ* и *чашима* 'родник', *јармак* и *барг* 'лист', *булак* и *шоҳ* 'ветка', *јарғи* и *пийда* 'пеший', *куч* и *зур* 'сила', *чучук* и *ширин* 'сладкий' и т. д.

Некоторые из старых слов отпали, например, *етмак*, *чурак*, *дудāғ*, *козғу*, *кёрпич*, *учуз*, и заменены словами таджикского происхождения: *нан*, *лаб*, *оина*, *ғиит*, *арзән* и т. д. Слово *јармак* (*јамак*) сохранилось только в узбекских самаркандско-бухарских говорах.

Изменения в словаре не бывают случайными, они всегда так или иначе мотивированы, целесообразны.

Многозначимость слова часто является причиной заимствования, например, узб. *оқин* значит 'течение', 'поток', 'ливень', и этим объясняется усвоение таджикского *сел* с чисто терминологическим значением 'торный ливень', 'силь', или узб. *кок* значит 'небо', 'синий', 'голубой', 'серый', 'зеленый', 'зелень', поэтому неудивительно, что заимствованное *осмон* 'небо' использовано для устранения многозначности родного слова.

Заимствуются слова с более широким значением, например, узб. *чучук* 'сладкий' (обычно лишь в противоположность кислому) — *аччиқма*, *чучукма*? 'кислый или сладкий?', *аччиқ-чучук* 'салат' и т. п., а заимствованное таджикское слово *ширин* 'сладкий' в переносном смысле значит и 'приятный' (*ширин соз* 'приятные слова') и 'милый' (*ширин қиз* 'милая девушка') и т. д.

Такого рода заимствования способствуют дифференциации значений, обогащению словарного состава, например, узб.

уй обычно в смысле 'дом', а тадж. по происхождению *хона* в смысле 'помещение' (*чојхона*, *шихона*), или 'графа', 'клетка', и т. д.; узб. *јер* в смысле 'земля', 'место', 'местность', тадж. *замин* 'земля', 'почва', 'база', 'предпосылка', узб. *јарғи* 'дерево', 'растение', 'материал', 'бревно', 'деревянный', тадж. *дарахт* только в смысле 'дерево' (растение), *јарғи* может быть употреблено в значении прилагательного, тогда как *дарахт* — нет.

Усвоению заимствований способствуют различные стилистические оценки, например, узб. *јурак* 'сердце' (диалектально 'внутренности', 'живот'), переносно: 'смелость' (например, в песне *қизлар билан ойнагані журак қані* 'где смелость, чтобы играть с девушками'), откуда *јуракли* 'смелый', *јураксиз* 'трусливый' и т. п., а заимствованное тадж. *дил* 'сердце' обычно в поэтическом плане. В таком же роде узб. *ов* 'охота', а заимствованное тадж. *шикэр* обычно в смысле 'пышная охота' и т. п.

Заимствования обуславливаются и отсутствием в языке обозначения для данного реального предмета или понятия.

Тесная бытовая связь узбекского и таджикского населения обусловила широкий отбор лексики с реальным вещественным значением. В узбекском языке много слов таджикского происхождения такого рода: *нан* 'хлеб', *намуз* 'хлебопек', *девор* 'стена', *там* 'крыша' (диалектально 'дом') *арра* 'пила', *арракаш* 'пильщик', *каптар* 'голубь', *хурз* 'петух' и т. д.

Заимствования из таджикского обусловили наличие многочисленных словарных дублетов в узбекском языке (подобно тому, как и в таджикском в результате заимствований из узбекского), например, узб. *чечак*, тадж. *гул* 'цветок'; узб. *булак*, тадж. *шоҳ* 'ветка'; узб. *јармак*, тадж. *барг* 'лист'; узб. *јел*, тадж. *шамол* 'ветер'; узб. *јот*, тадж. *бегна* 'чужой' и т. д. одинаковы употребительны в узбекском.

Процесс взаимного отбора словаря протекал в обоих языках издревле.

Ираноязычные писатели еще в X—XI вв. отмечали, например, что слово *пишак* 'кошка' известно в таджикских говорах Мавераннахра. В XVII в. известный уже нам Мухаммед Якуб Ченги переводил в своем словаре бухарско-узбекское *пишак* таджикским словом *гурба*. В современных таджикских говорах преобладает слово *гурба*, а в таджикских и узбекских самаркандско-бухарских говорах сохранилось слово *пишак* 'кошка'.

В каждом отдельном говоре процесс узбекско-таджикского языкового взаимодействия протекал особо, в зависимости от местных условий. Достаточно сравнить, например, словарь узб.-ташкентского говора и узб.-самаркандского, чтобы убедиться

в этом: ташк. *чумэли*, самарк. *мурча* 'муравей'; ташк. *эт*, самарк. *этиш* 'огонь'; ташк. *чаён*, самарк. *гаджудум* 'скорпион'; ташк. *бала*, самарк. *бачча*, *бала* 'дитя'; ташк. *jigim* [ча], самарк. *бозбала* 'парень', 'молодец'; ташк. *учак*, самарк. *руда* 'кишки'; ташк. *кана*, самарк. *джулак* 'клев'; ташк. *тогарак*, самарк. *гирдак* 'круг'; ташк. *теваракда*, самарк. *гирда* 'кругом'; ташк. *устун*, самарк. *бэлэр* 'столб', 'балка' и т. д.

В самаркандском узбекском говоре преобладают во всех перечисленных случаях слова таджикского происхождения, в ташкентском говоре — собственно узбекские. Следовательно, отбор словаря в узбекском самаркандском говоре происходил при прямом и более значительном участии таджикско-самаркандского говора.

В узбекских говорах бухарского района узбекско-таджикское языковое смешение протекало очень интенсивно и сейчас прослеживается в джекающих говорах, территориально соприкасающихся с узбекскими говорами самаркандско-бухарского круга. В этих говорах особенно часты словарные дублиеты из разных диалектов, причем из самаркандско-бухарских говоров усваивается и лексика таджикского происхождения, например, одинаково употребительны словарные дублиеты: *арик* и *рот* 'канал', *бэлта* и *ташэр* 'топор', *аргунчок* и *алмэндж* 'качели' и т. д.

Область узбекско-таджикского языкового смешения не ограничивается словарем. Элементы такого рода обнаруживаются и в области словообразования и синтаксиса. Правда, элементы словообразования таджикского происхождения не отделяются от словаря и усвоены в процессе словарного отбора. Сюда относятся случаи словообразования сложных имен, обычно из существительных и глагольных основ или причастий: *аравакаш* 'возница', 'кучер', по такому же типу *чизмакаш* 'рисовальщик узоров' (<узб. *чизма* 'рисунок', 'чертеж' и тадж. *каш* — основа глагола *кашдан* 'тянуть', 'везти'), *аравасэз* 'мастер, изготавливающий арбы', *пэразор* 'взяточник', *элмапуруш* 'продавец яблок' (<узб. *элма* 'яблоко' и тадж. *фуруш* — основа глагола *фуруштан* 'продавать'), *чэчээн* 'женское покрывало для лица' (<узб. *чэч* 'волосы' и тадж. *банд* — основа глагола *бастан* 'связывать'), *савадхэн* 'грамотный' и т. д. Обычны сложные слова с предлогами таджикского происхождения *бар* 'на', 'над', *дар* 'в', *ба* 'с', *бе* 'без', например, *барваут* 'ранний', 'рано', *баркамол* 'совершенный', *даргазаб* 'разгневанный', *базор* 'едва' (букв. 'с силой'), *бадашлат* 'зажиточный', *беадаб* 'невежливый', *бедарак* 'безвестный' и

т. д. Имена места и вместилища чего-либо с суффиксами таджикского происхождения: *-стэн*, *-зэр*, *-дэн*, например, *гул-стэн* 'цветник', *орикээр* 'абрикосовый сад', *сирхдэн* 'чернильница' и т. п.

Такого же рода имена прилагательные с суффиксами таджикского происхождения: *-вэр*, *-сэр*, *-сар*, например, *умид-вэр* 'надеющийся', *шармисар* 'пристыженный' и т. д., имена действующего лица с суффиксами таджикского происхождения: *-кэр*, *-гэр*, *-гар*, *-дэр*, *тэр*, например, *пахтакэр* 'хлопко-роб', *заргар* 'ювелир', *савдагар* 'торговец', *јэдгэр* 'подарок на память', 'памятник', *харидэр* 'покупатель', *гирифтэр* 'подверженный' и т. д., или имена прилагательные с суффиксами *-ин* (*-ина*), например, *чиркин* 'грязный', *ширин* 'сладкий', *этишин* 'пламенный' и т. д., имена существительные и прилагательные с суффиксом *-а*, например, *панджа* 'пятерня', 'лапа' (в некоторых говорах 'палец'), *устара* 'бритва' и т. д., а также и наречия и прилагательные с суффиксом *-эна*, например, *достэна* 'по-дружески', 'дружественный', *бахадирэна* 'мужественно', *јагэна* 'единственный' и т. д.

Как уже было указано выше, все эти элементы словообразования за редким исключением не отделяемы от словаря, усвоены вместе с целыми словами и словосочетаниями и ощущаются постольку, поскольку встречаются с различными основами, сохраняя ясное грамматическое значение, почему и участвуют в словообразовании с узбекскими основами: *орикээр* 'абрикосовый сад', *каминээр* 'заросли камыша' и т. д.

Большое значение для развития синтаксиса имели усвоенные таджикские наречия и союзы: *чунэнчи* 'как-то', 'а именно', *тэ* 'до', 'вплоть до', *хануз* 'все еще', 'всегда', *у* (*-ју*), *хам* 'и', 'также', *јэ*, *јэхуд* 'или', 'или же', *балки* 'однако', 'даже', *агар*, *гар* 'если', *магар* 'если не', *агарча* 'хотя', *чунки* 'так как', *ки* 'что', *тэки* [м] 'чтобы' и т. п.

Таджикско-узбекское языковое взаимодействие относится к давнему прошлому, прошло ряд этапов и оказало определенное влияние на развитие обоих языков.

VI

В языкознании, в диалектологии в особенности, вопрос о смешении языков давно выделился в самостоятельный объект исследований. Употреблялось особое выражение «теория смешанных языков»¹. В диалектологии закрепились особые опре-

¹ См. Л. В. Щербачева. Восточнолужицкое наречие, т. I. Зап. Историо-филол. фак. Петрогр. ун-та, ч. СХХVIII, Пг., 1915, стр. XX.

деления смешанных и переходных говоров¹. Многочисленные наблюдения в этой области представляют самые разнообразные случаи влияния различных языков и диалектов друг на друга².

Буржуазное языкознание не могло дать никакой научной «теории смешанных языков». Отрицание общественного характера языка обуславливало индивидуалистический подход к вопросу о «смешении» — «смешанным» предполагался язык каждого «говорящего индивидуума» (И. А. Бодуэн де Куртене). Переоценивалась роль контаминации, т. е. образования новых форм из двух «смешанных» форм соседних диалектов или языков (Г. Шухардт и др.). На самом деле контаминация при смешении играет совершенно незначительную роль. Все попытки такого рода случайные элементы превратить в закономерные не имели успеха и в так называемой «лингвистической географии». Нарочито абстрактная трактовка причин, порождающих «смешение», и невнимание к конкретно-историческим условиям, в которых протекает «смешение», в буржуазном языкознании скрывает известную ассимиляторскую тенденцию за фразами о «культурном превосходстве» одних языков над другими³. Указывалось на существование гибридных «смешанных» языков, причем вне связи с исторической обстановкой, в которой складывались такие «смешанные» языки, без учета характера самих этих языков. В качестве примера «смешанных языков» брались, например, язык цыган в Армении, язык английских цыган, особые «портовые языки», напр., «пиджин-инглиш», «брокен-инглиш» и т. п.⁴ По сути дела, это не языки, а своего рода ублюдки, жаргоны. Разумеется, никакого отношения к

¹ Ср. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5, Москва, 1915, стр. 1—3; Н. Дурново. Словарь грамматических терминов, М., 1925, столб. 85.

² H. Schuchardt. Slawodeutsches und Slawoitalienisches. Graz, 1888. H. Schuchardt. Kreolische Studien, Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissenschaften. Wien, 1881—1890, Bd. 102—105, 116, 122. E. Windisch. Zur Theorie der Mischsprachen und Lehnwörter. Berichte über die Verhandlungen der Kön. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1897. И. А. Бодуэн де Куртене. О смешанном характере всех языков. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1900, № 9. В. А. Богородицкий. К вопросу о «смешанных» языках. «Изв. Об-ва археол., ист. и этногр. при Казанском ун-те». Казань, 1894. Ср. его же. Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1901, стр. 17—19. Его же. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933, стр. 104—106. Г. С. Ахмедов. К вопросу о смешении диалектов. Сообщ. Ак. Наук Груз. ССР, т. VII, № 9—10, 1946, стр. 657—659.

³ Ср. Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 261—264.

⁴ Там же, стр. 269—270.

китайскому языку в целом не имел «пиджин-инглиш» в шанхайском и кантонском портах со своим приспособлением очень ограниченного английского словаря к китайскому языку. Империалистическая политика англо-американских колонизаторов породила эти уродливые искусственные жаргоны. Примером развития качественно новых языков на почве «скрещивания» языков они, конечно, служить не могут.

Следует иметь в виду также, что при изучении случаев «смешения» гипертрофировалась то фонетическая сторона, то, напротив, лексика.

В общем виде процесс и результаты «смешения» языков, по словам проф. В. А. Богородицкого, находят свое выражение или в заимствованных словах или в смешанных наречиях. Смешанные наречия возникают при соприкосновении: 1) двух разных языков, 2) двух близко родственных языков и 3) наречий одного и того же языка. Далее проф. В. А. Богородицкий отмечал два основных вида результатов смешения наречий: 1) когда одно наречие ассимилируется другим, «имеет тенденцию ассимилироваться с другим», и 2) когда «ни одно из соприкасающихся наречий не проявляет особенной склонности к ассимиляции» и дело ограничивается тем, что в разговоре представители двух наречий пытаются «приспособить свою речь к лучшему пониманию другого»¹.

Делались и более широкие предположения о значении двуязычия и «смешения» языков в истории развития языков с самой отдаленной эпохи².

Теории «смешения языков» всякого рода рассматривали частные случаи влияния одного языка или диалекта на другой на почве неправильного понимания общеисторического процесса развития языков и диалектов. Признание «гибридных», качественно особых «смешанных» языков объясняется тем, что самый процесс развития «общих» языков рассматривался часто как процесс образования «искусственных» языков. Помимо этого, диалект отождествлялся с языком племени, объединение племен в племенные союзы приравнивалось к механическому объединению и «смешению» племенных диалектов и т. п.³

¹ В. А. Богородицкий. К вопросу о «смешанных» языках. «Изв. Об-ва Археол., ист. и этногр.». Отд. оттиск, Казань, 1894, стр. 1—3; Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933, стр. 105.

² Ср. А. И. Томсон. Введение в языкознание. Одесса, 1909, стр. 260—261.

³ Ср. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, т. I. М., 1949, стр. 22—23. Н. Яковлев. К вопросу о таджикском литературном языке. Сб. «К вопросу об едином литературном таджикском языке», Сталинабад, 1930, стр. 24.

Величайшую путаницу привнесло в языковедение «новое учение» о языке Н. Я. Марра и его последователей, особенно в вопросе о «скреплении» языков и «классовости» языка. «Скрепление» признавалось Н. Я. Марром своего рода постоянно действующим, вечным законом образования качественно новых языков, коль скоро он исходил из предпосылки о происхождении всех языков из первоначальных «четырёх элементов». Скрепление однозначных элементов и слов, с этой точки зрения, служило внешним толчком развития. Все языки Н. Я. Марр считал «скрепленными» или «сугубо скрепленными» и т. п. Все национальные языки и диалекты Н. Я. Марр рассматривал в то же время как «классовые», поскольку, по Марру, уже при самом своем зарождении звуковая «труд-магическая» речь оказалась будто бы узурпированной «классом» жрецов и магов, тогда как массы продолжали, по предположению Н. Я. Марра, обходиться ручной кинетической речью, языком жестов.

В такой же мере все письменные языки признавались «классовыми», все национальные языки «буржуазными», чуждыми пролетариату и крестьянству. На этой почве рождался беспочвенный и вредный нигилизм.

«Новое учение» о языке Н. Я. Марра внесло путаницу и неразбериху в дело изучения диалектов и вопросов о влиянии одного языка на другой, в превратном свете решало проблемы образования и развития национальных языков.

Труды И. В. Сталина по вопросам языковедения разрешили наиболее сложные теоретические проблемы в этой области знания, и в частности проблему «скрепления» языков.

И. В. Сталин указал на абсурдность утверждения Н. Я. Марра об образовании качественно новых языков в результате скрепления. В своих гениальных трудах по вопросам языковедения И. В. Сталин дал самые исчерпывающие разъяснения и о характере и о результатах скрепления языков. Скрепление языков является длительным процессом и не приводит в результате к образованию нового языка путем неожиданного взрыва. «Скрепление языков, — говорит И. В. Сталин, — нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрепление языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи»¹.

В результате скрепления двух языков не образуется нового, третьего языка, а один из языков оказывается победи-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, стр. 29.

телем. И. В. Сталин указывает, что «...скрепление даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»¹.

Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка и основном словарном фонде разъясняет и интересующий нас вопрос о таджикско-узбекском двуязычии. И. В. Сталин даёт замечательное определение сущности специфики языка: «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»².

В свете научного понимания сущности языка, его специфики, совершенно отпадает вздорное представление о механическом смешении двух языков и образовании на почве смешения их качественно отличных новых языков. Так обстоит дело и в отношении таджикского и узбекского языков.

Выше уже говорилось о догадках П. Е. Кузнецова, который утверждал, что оба языка — таджикский и узбекский «...по грамматическому строению оборотов, представляют собою как бы клише одно другого»³, и М. Ставрулли, по словам которой «...таджикский языковый коллектив, взяв слова родного языка, применил к ним морфологию и типологию языка своих соседей узбеков»⁴.

И П. Е. Кузнецов и М. Ставрулли исходили при этом только из сравнения таджикского языка с современным персидским («иранским» М. Ставрулли) языком, что является, конечно, недопустимым, ибо таджикский язык отнюдь не является диалектом персидского языка. Вопрос этот возникал и в связи с проблемой общетаджикского языка⁵.

Проф. Е. Д. Поливанов пришел к тем же собственно выводам, указывая на «таджикско-узбекские эквивалентные соответствия» и «устойчивые ряды подогнанных друг к другу эквивалентных форм» и т. п. То же самое он утверждал и в отношении узбекского языка, признавая его «по фонетическим признакам — гибридным языком», сочетавшим будто бы в себе

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, стр. 30.

² Там же, стр. 26.

³ П. Е. Кузнецов. Сравнительно грамматический очерк таджикского и сартского наречий. «Изв. Турк. Отд. ИРГО», т. XI, вып. 2, часть I, Ташкент, 1915, стр. 27.

⁴ М. Ставрулли. К вопросу о двуязычии. «Просвещение национальностей», июль — август 1935 г., № 4, стр. 38.

⁵ Ср. Сб. «К вопросу об едином литературном таджикском языке». Сталинабад, 1939, стр. 4.

«...основной вокализм аборигенной иранской (...таджикской) речи с словарным материалом и отчасти консонантизмом турецкого (...узбекского) языка»¹.

В подтверждение такого рода догадок указывалось на параллельные формы склонения, например, род.-вин. на -а в таджикском и на -ни в узбекском: сам.-тадж. *асп-а пурухт* (сам.-узб. *эт-ни сэтти*) 'лошадь продал', сам.-тадж. *асп-а сар-аш* (сам.-узб. *эт-ни бши*) 'голова лошади' дат.-местн. на -ба в сам.-тадж. и на -га в сам.-бух. узбекских говорах: сам.-тадж. *одам-ба* (сам.-бух. узб. *одамга*) 'человеку', 'у человека', местн. пад. на -анда в тадж. и на -да в узбекском. Кальками с узбекского считались сложные по составу стяженные формы глагола в таджикском, например, *рафсам*, *рафсодам* 'я шел', *рафтудам* 'я ходил', *рафсодас* 'он ходил', производные формы от причастия на -гй, составные глаголы типа *гирифта бурдан*, 'припас', *гап зада дидан* 'поговорил', *гуфта додан* 'сказал', *навишта гирифта* 'записал', *рафта омадан* 'отправился', *мурда рафтан* 'умер' и др.

Предвзятая мысль о «смешанности» таджикского и узбекского языков обуславливала легкость, с которой высказывались догадки о происхождении различных грамматических явлений без всякого внимания к истории и диалектологии таджикского и других иранских языков и к сравнительным данным в части тюркских языков.

Известно, что послеложные формы существовали не только в таджикском языке, но и во всех вообще восточноиранских языках (например, древнехорезм. *ман-ба* 'мне' и т. д.). Образование сложных форм глагола также не является особенностью только таджикского языка. Форма определения из косвенного падежа имени существительного и притяжательного местоимения 3-го лица при относящемся к нему имени существительного (*асп-а сар-аш* 'голова лошади'), известная преимущественно в «равнинных» северо-западных таджикских говорах², признавалась обычно заимствованной, т. е. калькой с узбекского (*эт-ни[не] бши* 'голова лошади'), но закономерность этой формы в таджикском подтверждается наличием аналогичной формы в осетинском и в таджикском-пугнанском, на что обратил внимание проф. И. И. Зарубин. С другой стороны, в ранней таджикской поэзии XI в. И. С. Брагинским была отмечена тож-

дественная конструкция (*Рудакиро ғазалаи ғазель Рудегӣ*). Все это исключает утверждение об усвоении указанной формы в таджикских говорах обязательно из узбекского языка. Таким образом, основные грамматические факты разъясняются на почве иранских языков¹.

Справедливо, что двуязычие ведет к стойкости тех форм, которые параллельны в соседних языках.

Во всех конкретных случаях таджикский язык и его местные диалекты и говоры сохранили свою специфику — грамматический строй и основной словарный фонд. Словарные заимствования из узбекского языка и отдельные морфологические элементы, в том числе новообразования глагола от узбекских основ, не меняют существа дела, как, например, и турцизмы в болгарском языке. Своеобразные «морфологические плеоназмы» в чувском говоре теоретически могли бы привести к ослаблению и утрате одной из каждой данной плеонастической пары, но этого не случилось, поскольку изменилась общая обстановка развития двух языков.

В общетаджикском языке словарные и грамматические элементы, усвоенные из узбекского языка, занимают определенно подчиненное место.

В таджикском языке все слова, вошедшие из узбекского, разумеется, включаются в систему таджикского словоизменения и словообразования, напр., *ботлоқ* 'болото', *ботлоқӣ* 'болотный', 'болотистый', *бой* 'богатый', 'богач', *бой* 'богатство', 'байский', *букри* 'горбатый', *букригӣ* 'горбатость', *беяроқ* 'безоружный', *боироқ* 'вооруженный' (узб. *яроқ* 'оружие'), *ду қат кардан* 'складывать вдвое, в два слоя' (<узб. *қат* 'слой', 'ряд'), *тешиқ будан* 'продырявиться' (<узб. *тешиқ* 'отверстие', 'дыра') и т. д.

Особую группу составляют парные слова и словосочетания, например, *алғав-далғав* 'суматоха', 'шум', 'смута', *анчамунча* 'несколько', 'пустяковый', *апах-чапах* 'приятельский', 'дружно', *букри-чукри* 'увечный', 'калека', *бидир-бидир* 'болтовня' и т. п. Такого рода парные слова и словосочетания и в узбекском и в таджикском представляют собой как бы общий фонд; только после тщательного изучения можно установить истинную принадлежность отдельных разрядов парных слов таджикскому или узбекскому языку, в которых они развивались параллельно.

¹ Ср. И. И. З а р у б и н. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Л., 1928, стр. 109, 121. Е г о ж е. Отчет об этнологических работах. ИАН, 1927, стр. 006.

¹ Ср. «Докл. АН СССР», 1928, стр. 306 и сл.; Бюллетень 1-го Среднеазиатского государственного университета, 1924, № 4, стр. 87.

² Ср. М. С. А н д р е е в. О таджикском языке настоящего времени. Материалы по истории таджиков и Таджикистана, Сталинабад, 1945, стр. 60.

Несомненно усвоенными из узбекского представляются эмоционально окрашенные прилагательные-интенсивы, *аппа-осон* 'прелегкий', *баб-баробар* 'совершенно одинаковый, равный' и т. п.¹

В системе таджикского глагола отдельные основы узбекского происхождения усвоены или в качестве имен при вспомогательных глаголах, например, *қир кардан* 'истреблять', *қирқуни* 'истребление', *самолёти қирқунанда* 'самолет-истребитель' (узб. *қир* 'уничтожать', 'истреблять'), *буғ (буғи) кардан* 'душить' (< узб. *буғ* 'душить') и т. д., или, в единичных случаях, включаются в систему таджикского спряжения, например, *сиққондан* 'давать', 'теснить' (< узб. *сиқ-*), *тиққондан* 'совать', 'всовывать', 'завдвигать' (< узб. *тиқ-*), например, *порчаҳои нонро ду қат се қат карда ба даҳонаш метиққонд* (Айни) 'складывая в два и в три слоя куски лепешки, он всовывал их в рот', *мўза пойро месиққонд* 'сапоги жмут ноги' и т. п. В общетаджикском языке все подобного рода основы заменимы соответствующими синонимическими именами и глаголами.

В области словообразования в общетаджикском языке усвоены из узбекского — аффикс имени действующего лица *-чи*, например, *авчи* 'охотник', *кемачи* 'паромщик', *дutorчи* 'играющий на дуторе', *гапчи* 'сплетник', *андовачи* 'штукатур', *адабиётчи* 'литературовед' и т. д., и группа наречий, например, *бутун* 'весь целиком', *дар ёни* или *дар-бикини* 'рядом', 'около', 'возле' (< узб. *ён* и *бикин* 'бок') и т. п.

Вопросы изучения синтаксиса с учетом взаимодействия двух языков представляются наиболее сложными.

В обоих языках — таджикском и узбекском имеются слова и словосочетания, представляющие кальки — точные «переводы» с одного языка на другой, например, тадж. *гаҳвораҳунбон*, узб. *бешиктираатар*, 'богомол' (насекомое) (букв.: 'качающий люльку, колыбель'); тадж. *худсарона*, узб. *озбошимча* 'самовольно'; тадж. *гуш андохтан*, узб. *қулоқ солмоқ* 'слушать' (букв.: 'класть ухо', 'уши'); тадж. *даст мондан*, узб. *кул куймоқ* 'подписываться' (букв.: 'класть руку'); тадж. *гап бофтан*, узб. *гап туқимоқ* 'сочинять', 'выдумывать' (букв.: 'плести разговор'); тадж. *як даҳан гап*, узб. *бір оғиз сўз* 'одно-два слова' (букв.: 'один рот слов, разговора'); тадж. *ба гардан гирифтан*, узб. *бўйнига олмоқ* 'принимать на себя' (букв.: 'брать на свою шею'); тадж. *ғўш-у-чашм шудан*, узб. *қўз-қўлоқ бўлмоқ* 'на-

¹ Ср. М. Ф. Фазылов. Изобразительные слова в современном таджикском языке. Автореферат, Л., 1950, стр. 14.

блюдать', 'внимательно следить' (букв.: 'быть глазом и ухом'); тадж. *яке аз боғ дигаре аз роғ*, узб. *бири бордан бири роғдан* 'один о том, другой о сем' и т. д.

В ряде случаев такого рода параллельных словосочетаний, когда определение предшествует определяемому, законно предполагать влияние узбекского синтаксиса, например, тадж. *ғўгирд кутти* 'спичечный коробок', *ғўсола сар* (или *сари ғўсола*), узб. *бузоқ боши*, кирг. *музоо-баш* 'медведка', 'личинка хруща' (букв.: 'телячья голова'), тадж. *савора қўшун* (или *қўшуни аспаки*), узб. *отлиғ аскар* 'кавалерия', 'конная армия' и т. д. (ср. также тадж. *даханкалон*, узб. *оғзи катта* 'горлан', букв.: 'большеротый', тадж. *ёлдароз*, узб. *ёли узун* 'длинногравый' и т. д.), хотя сам по себе факт предшествования определения определяемому известен в иранских языках.

Как в таджикском, так и в узбекском синтаксисе имеется ряд параллельных моментов, например, типы предложений с таджикским причастием *ғўфта* и узбекским деепричастием *деб* ('сказав', 'говоря', 'дескать', 'мол') и др., но нет оснований объяснять их влиянием одного языка на другой.

Все эти факты подтверждают совершенно правильную мысль, высказанную В. С. Расторгуевой, об устойчивости морфологической системы в таджикских народных говорах. «Несмотря на сотни лет соседства и массовое двуязычие, — говорит В. С. Расторгуева, — изменения в морфологии под влиянием узбекского языка сравнительно незначительны. Внутренние законы развития во всех случаях являются основными и ведущими»¹.

В такой же мере взаимовлияние в области словаря и синтаксиса в таджикском и узбекском языках не исключают ведущей роли внутренних законов развития обоих языков. Невозможно рассматривать развитие языка независимо от истории народа. Многовековое соседство двух братских народов — таджикского и узбекского, разумеется, не могло не пайти отражения в развитии языков этих народов, но взаимодействие обоих языков не привело к их «смешению».

История знает много случаев двуязычия, в частности, иранский татский язык на Кавказе подвергался издавна влиянию тюркских языков — азербайджанского и кумыкского, в результате чего развилось двуязычие татов. Однако в самих татских говорах тюркские элементы играют весьма относительную

¹ В. С. Расторгуева. Об устойчивости морфологической системы языка (по материалам северных таджикских говоров). См. Тезисы докладов научн. сотр. Ин-та языкознания на объедин. сессии Ин-та этнографии, ИИМК, Ин-та истории и Ин-та языкознания. М., 1951, стр. 33.

роль и исчерпываются примерно теми же явлениями, что и рассмотренные нами в случае таджикско-узбекского двуязычия¹.

Господство турецкого языка на Балканском полуострове не привело ни к ассимиляции славянских языков, ни тем более к их «смешению» с турецким языком. Факты влияния турецкого языка ограничиваются, в частности в сербском, словарными заимствованиями, усвоением ряда морфологических элементов, преимущественно наряду с усвоением турецких слов, как то: аффикса имен уменьшительных *че*, аффикса имени действующего лица *чи*, аффикса прилагательных *ли*, ряда наречий и аналитических форм глагола².

Сохраняя свой основной словарный фонд и грамматический строй, языки продолжают развиваться по внутренним законам развития и не превращаются в качественно новые языки при соприкосновении с другими языками.

Мы не находим и в Средней Азии примера «скрещенных» языков и диалектов на почве таджикско-узбекского двуязычия, которые были бы качественно новыми — и не таджикскими и не узбекскими.

Закономерно говорить о возможных случаях утраты специфики — грамматического строя и основного словарного фонда — отдельными говорами — таджикскими и узбекскими, в результате победы одного из них в каждом данном случае.

Таким образом, история этих двух среднеазиатских языков целиком подтверждает положения И. В. Сталина о «скрещивании» языков.

¹ Ср. В. С. Миллер. Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М., 1901, стр. 15, 41—49. Б. В. Миллер. О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа. «Иран», IV, стр. 69, 71—74.

² Ср. Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию. ДАИ, 1928, стр. 17—22.

Профессор, доктор филологических наук

Е. М. КОЛПАКЧИ

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию направляют внимание лингвистов на изучение того, что составляет «основу языка, сущность его специфики»¹, т. е. на изучение его грамматического строя и основного словарного фонда.

Критикуя вульгаризаторство Н. Я. Марра в вопросах грамматики, И. В. Сталин пишет: «Н. Я. Марр считал грамматику пустой «формальностью», а людей, считающих грамматический строй основой языка — формалистами. Это и вовсе глупо»².

Далеко не все вопросы грамматического строя современного японского языка могут считаться достаточно исследованными. В настоящей статье делается попытка осветить один из актуальных вопросов системы склонения в этом языке — вопрос о винительном падеже.

* * *

В современном японском языке прямой объект может выражаться двумя способами: винительным падежом с суффиксом *о* и абсолютным или нулевым падежом. Исторически второй способ предшествовал первому.

Использование первого или второго способа в современном национальном языке не зависит от семантики управляющего слова, т. е. от сказуемого, не зависит и от семантики самого дополнения. Явление это зависит лишь от экспрессивного характера всего объектно-предикативного словосочетания в целом. Присутствие каких-либо усилительно-выделительных частиц, выделяющих, подчеркивающих, обособляющих объект,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 26.

² Там же, стр. 42.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

А. К. Боровков

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Исследования в области истории узбекского языка предполагают и лингвистическое изучение памятников узбекского языка и обширные текстологические разыскания, особенно в части памятников раннего периода, до эпохи Алишера Навои.

Одним из чрезвычайно важных для истории узбекского языка памятников раннего периода является «тефсир», найденный в Узбекистане в г. Карши в 1914 г.*

Упомянутый тефсир заключает в себе подстрочный перевод корана с суры XVIII и комментарии на староузбекском (и таджикском) языке к отдельным сурам. Появился тефсир, надо полагать, в XIII в.; данный известный нам список его датируется «эпохой тимуридов», т. е. XV в. По языку тефсир сближается с памятниками XI—XIV вв. Наличие арабского текста с подстрочным переводом приближает наш тефсир к памятникам словарного характера; большое число связных текстов в толкованиях интересно и со стороны синтаксиса; поэтому все это имеет большое значение для истории языка.

В отдельных случаях этот памятник привлекал к себе внимание С. Е. Малова.**

Ниже приводится один отрывок из толкований к суре XVIII, именно текст известной повести о «семи спящих отроках». Повесть сирийского происхождения изустным путем проникла в коран и тем же путем стала известна и ранним комментаторам корана.*** В Средней Азии эта повесть получила широкое распространение; изложена у Рабгузи**** в сборнике рас-

* Зап. Вост. отд. ИРАО, XXIII, вып. III—IV, Петроград, 1916, стр. 249; Азиатский музей Росс. Ак. Наук, Краткая памятка, Петербург, 1920, стр. 41; W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien. Asia Major, II, Fasc. 1, 1925, стр. 125—127.

** С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках. ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 523.— Он же. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. Зап. Инст. востоковед., I, Л., 1932, стр. 149.

*** А. Крымский. Семь спящих отроков эфесских. М., 1914, стр. V.

**** См. перевод Н. Ф. Катанова «Татарские сказания о семи спящих отроках» (ЗВО, VII, СПб., 1894, стр. 242 сл.).

сказов «Мифтах-ул-адл»; * известна в восточно-туркестанских рассказах ** и стихотворных переработках. ***

Специальное изучение всех этих версий повести вероятно помогло бы датировке, в частности, и нашего текста, но это — особая задача.

Текст повести приводится в упрощенной транслитерации и дает представление об особенностях языка нашего памятника. Текст достаточно простой и сопровождается лишь необходимым минимумом примечаний.

Kissā. Aṣḥāb-al-kāḥf jūnānī elindā¹ bīr el ārdī² Āf[u]sūs ātlīḥ.³ Ul elnīḥ mālikī bār ārdī, Daqjānus ātlīḥ, — bu Daqjānus mālik Zulkarnajnda⁴ kedin⁵ ārdī. Aṣḥāb-al-kāḥf kiṣilār Āf[u]sūs kenḍi iḥindā tāḥri tā 'ālāḥa⁶ tabīnūr musulmān ārdilār; tāḥri tā'ālā anlarḥi «džomārd» teḥ atadī, — andāḥ kim jarliqadī — [18⁶]. Bularḥi musulmānliḥindīn⁷ ul eldāli⁷ mālikkā ajdīlar. Ul būdun⁸ mālik bīrlā burḥānḥa tabīnūr ārdilār. Daqjānus anlarḥi uskunda uqīdī, ajdī: — siḥlār kimkā tabīnursiḥlār, qaḥu dīn tutarsīḥlār, — teḥ. Tāḥri tā'ālā anlarḥi kōḥullārīnā kāmiṣti, adaḥin⁹ turldīdar, — ōz dīnlārīnī 'ārḥā qīldīlar; ajdīlar, — biḥiḥ¹⁰ dīniḥiḥ musulmānliḥ dīnī turūr, — teḥ, biḥ tāḥriḥ tabīnūr biḥ, qamubīn jaratḥan tāḥriḥ, adīn tāḥri biḥlās miḥ,¹¹ teḥ,

* Ўзбек адабиёти тарихи хрестоматияси, VIII—XV асрлар, Ойбек ва П. Шамсиев тахрири остида, Тошкент, 1941, стр. 59—64.

** Н. Ф. Катанов. Татарские сказания. Там же, стр. 223 сл.

*** Такова приобретенная С. Ф. Ольденбургом в 1910 г. в Кучаре «Тазкира-и-хизрал султан асхаб-ал-кахф» — стихотворная переработка версии, близкой Рабгузи (Рхп. ИВ АН СССР за № С-562, лл. 16 сл.).

¹ Так называемое «вставочное» и при локативных падежах после possessивного аффикса 3-го л. характеризует язык Рабгузи XIV в. и язык более ранних памятников. Литературный язык эпохи Навои и последующего времени этой особенностью не имеет.

² Здесь, как и в аналогичных случаях, ā условно, возможно е, ибо орфография неустойчива, начальный «алиф» иногда выражает и е.

³ Условное ā на месте возможного более долгого и устойчивого а. Конечное -ḥ в ātlīḥ не имеет определенного морфологического значения, т. е. не связано регулярно с именами прилагательными, в отличие от существительных с конечным -k, напр. *toluḥ* 'полный', *kaṭi(t)īḥ* 'твердый' и *kaṭuḥ* 'дверь' и т. д. Встречаются случаи замещения конечных -ḥ || k. С другой стороны, после конечных узких гласных в ряде случаев эти конечные -ḥ — k отсутствуют, как в туркменском и других языках, напр. *kaṭu* 'дверь' и т. д.

⁴ Эта форма исходного падежа, т. е. в письме — «алиф с нозализацией» с «тенвином фатхи», встречается у Махмуда Кашгарского XI в., в «Кутадгу билиг'е» XI в., у Рабгузи. Наряду с этим, в тексте исходный падеж — *dīn*, -*da*, реже -*dan*.

⁵ Наличие ḍ (ḍ) на месте j между гласными и в конце слога — черта литературного языка раннего периода. В тексте часты колебания в письме ḍ || j, напр. *ḥodḍi* || *ḥojdi*, *adriḍi* || *ajrudī* и т. д.

⁶ Обычно аффикс дательного-направительного падежа и после глухих и звонких согласных и после гласных с глухим k, напр. *jāziḥa* 'в поле', *amalarḥa* 'им' и т. д., как это имеет место в Ташкентском списке «Кутадгу билиг'е» и в отличие от языка Рабгузи. В редких случаях, как здесь, аффикс -ḥa.

⁷ Конечные глухие -k (-k) перед гласными аффиксов остаются неизменными, аффикс относительных прилагательных обычно также с глухими -k (-k), напр. *awwalḥi* 'первый', *ḥolḥaḥi* 'выходящий в руке' и т. д. Иногда исключения; условно для k предусматривается возможность двойного произношения — k и ḥ.

⁸ Случай *būdun* 'народ' и *ḥūdun* 'колодезь' усложняют вопрос о произношении ḍ и позволяют утверждать, что мы встречаемся с орфографической традицией, известным пережитком.

⁹ В *adaḥin* форма древнего орудивного падежа на -in; ср. *unūn jivladi* [29⁶z] 'голосом восплакал' и т. д.

¹⁰ Родительный на -iḥ, -uḥ обычно при местоимениях, в редких случаях при именах существительных.

¹¹ Правписание причастий колеблется: -*mas*, -*maḥ*.

ајділар; андаъ кім тәңрі тә'ала жарлиқаді [18₁₃]. Анлар мусулманлиқ ға муқір калділар әрсә, Дақјанус мәлік анларні өлдүриәли қасд қилді; қатіб қіјін бірлә қіз-бауғс қилмақ тиләді.

Ул елнің қазісі нима јашру мусулман болмиш әрді.¹² Анларні тиләді кім, -өлмәсәләр. Дақјанус мәлік кә ајді кім, булар мір задалар¹³ турурлар, ата-ана ојд- қізі турурлар; буларні бу са'ат да өлдүрсә болмас¹⁴ теб. Анлар кім, бу сөзні сөзләрләр біліксізлігін сөзләрләр, бір қач кун буларға заман бергү¹⁵ керәк; анлар болбајлар кім, бу сөзләриндін аwrә јанбајлар, ағар јанмасалар анда¹⁶ кебін қіјін уқубат мәғар қилса мәлік ерклиј турур теб ајді. Дақјанус мәлік ул һакім сөзіні алді, -анлар қа уч кун заман берді.

Анлар алті баш кіші ерділар. Бу алті кіші теріліб кәнгәшділар қачбін-ға, ул елдин қачиб табқа јүзләниб барділар. Бір қојчі ускункә тежділар; қојчі анлар қа ајді: сизләр кімләр сизләр, қажбару¹⁷ барур сизләр теб. Анлар ајдлар: біз нима дініміз адин турур, бу ел-бүдүннің дініні тутмас миз, біз јерні-көкні турудачі¹⁸ тәңриә табінур миз, бурхәнға табінмаз миз, емді іді әззу-джилл хошнудлиқіні тиләју¹⁹ барурміз теб, ајділар. Қојчі ајді: мәнкә нима дастур берур му сизләр, сизің бірлә барса ман; сизләрні ул јеркә башлабајман кім, неч кім әрсә білмәкәј теб, -бу таб ічиндә бір өнжүр бар турур анка неч кім әрсә кірумас,²⁰ бизкә јаві бөрі болса, біз қојларні анда кизләрміз теб, ајді. Анлар ајдлар; rawā болбај теб. Ул қојчі анлар бірлә барді. Ул қојчі-нің іті бар әрді, іт нима бару башладі. Қојчі қа ајдлар: бу ітні јандурбл теб, қажда әрсә бу іт үркәј, бізні тапбајлар теб. Ул ітні јандурбалі²¹ нечә сурділар урдлар, ул іт нима јанмаді әрсә, бір јағачқа бағлаб урдлар. Тәңрі тә'ала қудраті ул іт фасің тил бірлә сөзгә калді, ајді, -ул тәңриға кім, сизләр бутмиш турур сизләр мән јама бутмиш(?) турурмар анжар,²² мәні мунда

¹² Причастие прошедшее в тефсире на -*миш*, -*тан*, -*дук*, как и в других памятниках раннего периода. В образовании окончательных форм чаще причастие на -*миш*.

¹³ Это слово В. В. Бартольд считает поздним и относит время переписки рукописи тефсира ко времени тимуридов. (Asia Major, II, Fasc. 1, 1925, стр. 125—127).

¹⁴ Ср. примеч. 11.

¹⁵ Форма на -*јү*, бу обычна в значении причастия будущее-настоящего времени и отглагольного имени. Последнее значение послужило базой образования форм с *керәк* и *јүчүл*.

¹⁶ Исходный падеж, см. примеч. 4.

¹⁷ Эта форма древнего направительного падежа на -*бару*, -*арү* (или -*бару*, -*арү*) и -*ру* сохранилась не только в онареченных: *қажбару*, *ташқару* и т. п., но и при существительных, напр. *күнәрү* 'до наступления дня' и т. п.

¹⁸ Форма на -*дачі* употребительна в тефсире при переводах арабских причастий действительного залога, встречается и в определительной функции. Налична у Махмуда Кашгарского, в «Кутадгу билиг».

¹⁹ Старое деепричастие настоящего времени на -*у*, -*ју* обычнее встречающегося также деепричастия на -*а*. Сохранилась эта форма деепричастия у Навои как редкий архаизм.

²⁰ Эта форма отрицания возможности действия на -*ума*- обычна в языке раннего периода, в «Кутадгу билиг», Хибатул-Хакаик у Рабгузи и т. д. С. Е. Малов склонен объяснить ее из основы глагола *у*- 'мочь' и отрицания -*ма*. См.: W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 224. Скорее здесь все же можно предположить деепричастие на -*у* -*ју* и аффикс отрицания при глаголах -*ма*.

²¹ Формы на -*вал* -*ил* в двух значениях: а) деепричастие цели и б) деепричастие исходного момента.

²² Дательно-направительный падеж с аффиксом -*кар* (-*нар*?) обычно только при местоимениях (*мән*, *сан*, *ол*, 'я', 'ты', 'он'), как это имеет место и в «Кутадгу билиг» и у Махмуда Кашгарского.

қодмаңлар, елту бариңлар теб, фасіһ тіл бірлә сөзләді әрсә, 'аджаб тутділар, ітнің бағіні јазділар, елту барділар; өнкүржә јүзләніб барділар. Тәңрі тә 'әлә анларні джомард теб атаді тақі бір јердә асһаб-ал-каһф теб атаді, андаб кім јарлікаді [18₉].

Тәңрі тә'әлә Ібраһім јаләwәчні джомард теб атају јарлікаді, ікінч асһаб-ал-каһфні аwра јад қылу јарлікаді [18₁₂]. Бу джомардлар бәрба јүзләнділар; јетті баш кіші әрділар, бір іт, адін анларің бірлә, уларің улубларінін аті Маскінә әрді, ікінч Махлісә әрді, учунч Шаліхә әрді, төртінч Батрус әрді, бешінч Іамліхә әрді, алтінч Қарјаш(?) әрді; ул қожі јетінч аті Мәрс әрді,²³ ул ітнің аті Қітмір әрді. 'Уламалар андаб ајмішлар кім, қају јердә от туташса, андаб кім Самарқанда ја Бухарада туташур әрсә Мәwәран-наһр нима тушашу әрсә, -отні очуру білмәсәләр 'аджіз болсалар отні узіт-мақ, очурмақ үчүн асһаб-ал-каһф атларіні мансурі қабад үзә бітіб, ул отба кәмішсә, от очкәј, тәңрі тә'әлә нудраті бірлә теб ајмішлар.²⁴ Ул іт атіні бу атларі кәмішмәклікні кітаб қошбучи мусанніф јад қылмақ wә лекін кедін ал-һақ қілмішлар кім теб бітілді.

Асһаб-ал-Кәһф јігітларі барділар, өнкүржә тәжділар, өнкүржә кірділар. Ул [іт] тақі бірлә кірді. Улар олтурділар, іт јатді, ікі қоліні кәсуллі, башіні қолі үзә урді, андаб кім ітләр 'адәті болур. Тәңрі тә'әлә ул іт јат-мақіні јад қылу јарлікаді [18₁₇]. Анлар қачтілар әрді, мәлік Дақјанус јаріні²⁵ білді, қачмішларіні істаду²⁶ ідділар, булмаділар.²⁷ Онкүр ічіндә јатділар, удіділар әрсә, тәңрі тә'әлә јарлікаді, -анларің джәніні кәтурді. Онкүр ічіндә қалділар. үч јүз јіл тәкәл тәңрі тә'әлә тежмә күн ічіндә бір фәріштәні ізү²⁸ јарлікаді, анларні бір јандін бір јанба аwрур әрді, андаб кім јарлікаді іді тә'әлә [18₁₇]. Күніка күн тубса әрді ул өнкүржә оң јарудін күн түшар әрді, қачан күн батса сол јардін батар әрді, андаб кім јарлікаді іді тә'әлә [18₁₈].

Үч јүз јіл бу сифат үзә ол өнкүрдә қалділар. Дақјанус кәфәр өлді. Ул мәлікәт јуғаніларадін барді, руміларба түшді. Рум тарсаларіндін бір тарса кәліб анда беклік мәлікәтжә олтурді. Тәңрі тә'әлә анларің джәніні јандура јарлікаді, аwра тірлділар. Андаб сақінділар кім бір күн болді бу өнкүр ічіндә турурміз теб, андаб кім тәңрі тә 'әлә јарлікаді [18₁₈]. Дақјанусдін

²³ Имена «спящих отроков», здесь приведенные, значительно расходятся с известными по Рабгузи, «Мифтаһул-адл» и другим источникам.

²⁴ Ссылка на пожары в Самарканде и Бухаре лишний раз служит указанием на происхождение тefsира. Вера в чудодейственную силу имен «спящих отроков» сохранилась до нового времени. В рукописи бухарского происхождения (Ркп ИВ АН СССР, № А-811, лл. 84^a—85^b) особый отдел отведен описанию чудесных свойств этих имен; рекомендуется списать и носить эти имена при себе; в бою они спасают будто бы от стрел, меча и копыя, способствуют удаче при тяжбах, спасают от сглаза и наговора, помогают женщинам при родах и пр.

²⁵ Здесь *jār* ~ *jāri*, ~ *jāru* (ср. ниже) 'сторона', 'направление' в самостоятельном, не служебном значении (ср.: Радлов. Словарь, III, стр. 131).

²⁶ Видимо случай *o* || *j* см. *istāyū*.

²⁷ Т. е. 'не нашли'. Этот глагол *бул* - 'находить' употребителен наряду с *тап* - в том же значении. Глагол *бул* - 'находить' встречается в языке орхонской письменности (ср.: Радлов, Словарь, IV, стр. 1834).

²⁸ Здесь *izū* см. *idū* (-*ijū*).

ایزدی تعالی تری الشمس اذا طلعت تزا و عن کهنهم ذات الیمن و اذا غربت تعوضها ذات الشمال اوج یوزنیل بوصفت
اودا اول او کور و اقله ملاه قیاس کافر اولدی اول ملک یوتان لار دین بادی نوی لایغا توشدی روم ترپ لایشین بر ترسایک
ایزیک ملک ملک کا و لودی شکی تعالی انارینک جانی نیز در بار لایغی اخرا تیر بلور لایغی ساقند ملاکم بر کون بولی مو
او کور اچیدلر تیر میر تیب انداجیم شکی عاکیر لایغی کالویشیا یونا و بعضی یوم قالاریم علم بایسینم دقایقوس دین قورقار
اردی لار قین لارین یاجی ایدیلار نیز نکلدا بریز بریش کراک بریاق التسیلیک کالاش اروق الیکسایب بلینی انستار
قیدیلار نیز دیلار ایدیلار بایلیجنا نیز ساس اونی بریش سینی کالو لاریسلسون لاریب انداجیم شکی عاکیر لایغی قایغی
احکم یوزکم **هذه الی الدین** فلیظروا ایها الذی طعنا فلیدا علمک برزق منہ و لیستکلف ولا یسعون بکم احدا ایتهم
ان یظلمو و علیکم برحمتکم و یدعوا و کفر فی ملتکم دن قتلحو اذا ابدوا کریمسلا لاریسلسین سرقا و لودی کمال
یا کند و اوز کالیفت لاریسنا کور کای لاریکیلا هر کیز قور تولاس سیز لاریب ایدیلار بلیجنا قایزاق بریب اول بلنکوز
افوسوس کند شکاری بلیجنا بر دی اساهر کیز بلیجنا کور سینی توشادی اول کشف لار برجا و یکن بولش لار اول الیک این لاری
برق لاری تروک بولش لار بلیجنا اول دقایقوس ملیکین قورقار اردی اول این نیک بلی ایز کشف بولش اردی دقایقوس
اولوش اردی کند قویغنا کیردی اسیر اولدای کشف لاری کور مادی او تاجی کبوشیک بر دی بریاق حیفا بر دی او تاجی
او تاج کچا بر دی او تاجی اول برما قضا کور دی اسد قیاقوس ای اوزا تو قیشش او تاجی بلیجنا توتوری ایدر کسن
کشی سس لیکول او غنسن قیاقوس من قیب بوریما قی قیدا بولدی کسن پنج بولش توروسن قیب بلیجنا ایدی
برج کشی لاریس بول دین دون جیغیر بر قیب او تاجی ایدی بود قیاقوس ملیک بریاق تور دقایقوس ملیک کچا کای
ایکی اوج یوزا قیاقوس تور قیب بلیجنا ایدی باقیس اوز سس اوزا بر بولک شکی ایل بزدی نیز دیلار بلیجنا بری
اول ملیک کالیدلار کیم اول ایل بکی اردی انداج ایدیلار کیم بیکو کشفش خورسوندان مسوز سوزا قیب ملیک
بلیجنا انغای ایزدی انارینک قصه سس لاری ایدی بلیجنا ایدی نیز بکی باش لار نیز دقایقوس دین جیغیر نیز بکی
کونلی بر او کور اچیدلر یازدیز او فیدر نیز بولون قور دیز اسر اولد اسلاریم من اشق اتاک انغای ایدیلار بو
بریما قی ایشو بریز اردی قیب ملیک ایدی بولیدل اوزا سس ایغینکین بیلور سس قیب جواب بر دی بولور قیب منموند
کشم او غنوم نیزیم باریق ایدی ملیک اوج تورت باش کشی بیلا ایزدی مولی انغنا الیشک لاریب بلیجنا
باردی ایغنا کلدی اسیر بریغ قوتوری اسر ایدین خوجه جیغدی بلیجنا ایدی انکار ایتیک سوز انکار آن
فی خور قیب خوجه جواب بر دی کیم تریخ اونی انا بلیجنا ایدی قیب بلیجنا ایدی اولوغ انا بلیجنا من سوز
قیب کشف لار مجرب توتوب ثانکلا دی لار اول وقتدا بولیدل بزدی برجا عیس ملا وچ دینی اوزا اردیلار صاحب
الکلف قصه سینس ایشیل ایشیدل اوشسین اوزیلار کیم اصحاب الکلف جیغی لار دنیا سس بوی بولایلار
قیب اول وقتدا قی قیب کتب حزن اردی ملیک کدرست معلوم بولدی کیم ایشیل ایشیدل ایشیدل اصحاب
الکلف بولار تور لاریب ملیک توردی بر ایشا کشف لار بر لای بلیجنا فی بشلا قیب اولار کور کای او کور کای بر دیلار
او کور کایین کدی لار اسر بلیجنا ایدی سیز لار سوزدا غیغلو برور سیز لار منیک قولاش لاریم انواع ساقیغنا
کیم دقایقوس کدی ارکی قیب قورقار لاریس نیز لار منیک اوزو افوراق کلیک لاریب من بلنکوز باریب بوقه
لاری اولار ایسانین اندا کیدین سیز لار کلکای سیز لاریب انار قورقاسون قیب ملیک کشف لاری بر لایقین
خاندیلار بلیجنا بر دی اولار قایدی نیز کای اوج یوزنیل اوزا قیاقوس کیم بیز سوزا سس نیز دقایقوس اولوش اولدا
اودن کشف اورا سس سلطان نیما اوز کای بولش خور برجا اوز کای بلیجنا بولش نیز کور میش کشی لار دین بر کیم اسر
یوق برجا اوشس لار اوج تورت اونا نیما اوز لاری نیز لاری قالش لار ایدی بزدی برجا قیاقوس اوز کلدی لاریس نیز لاری
کور کلک لاریب انار قورقاسون بولدی کور لاری کور کای کلک لاری اوزو توری لاری قایدی بر ار دینک نیز نیک جانی نیز
الکلف اوزا کور کور و ک اوج یوزنیل کیدین افزا جانی فی بر دینک ایدی بنا اوز فضلک رحمتک بر لاجا نیز کور کای
رسوا قیغنا جی قیب اوز توری لاری شکی تعالی اول ساعت اولار نیک جانی کور دی اول ملیک صلی صلی بر لای
اول او کور قوشیغنا کلک لاری کور کای بول لادیلار بر اقدین فشار اوز دیلار انار لاری کور اوز دیلار نکلما بارودین نظار بیلور

қорқар әрділәр; қарінларини²⁹ нима ачті. Ајділар: біріңдә³⁰ бірімиз бармиш керәк,³¹ жармақ айтса, *жекүкә*³² аш-азуқ алиб кәлсә теб, Іамліхәні іхтіјәр килділар, ідділар ајділар: ја, Іамліхә, зінһар сән адуз³³ барбіл, сәни кәфирләр билмә-сүнләр теб, андақким тәңри тә'ала жарлиқаді [18₁₈]. Ағәр билсәләр сәни тәшин³⁴ соқа өлдүрхәйләр, ја кәндү-өз³⁵ кәфирлиқларинға кевурхәйләр; икилә һәргиз қуртулмас сизләр теб ајділар.

Іамліхәқа жармақ беріб ул жалғуз Әфусус кәндінхә барді; нечә ким барді әрса һәргиз билмиш көрмиш түшмәді. Ул кишиләр барча оһин болмишлар. Ул елиң евләри-барқларі³⁶ түрлүк -түрлүк болмишлар. Іамліхә ул Дақјанус мәликдін қорқар әрді. Ул елиң беки адин киши болмиш әрді. Дақјанус өлмиш әрді. Кәндү кабузінға кирді әрсә бир ағвалдақ кишиләрни көрмади; өтмәкчи кәбу-тинхә³⁷ барді, жармақ чиқарди, берди, өтмәкчи өтмәкчхә берди. Отмәкчи ул жармақға бақди, көрди әрсә, Дақјанус ати уза тоқинмиш. Отмәкчи Іамліхәни тутди, ајди, -сән киши сән, кимүң оғли сән, қажулуб сән теб, бу жармақни қайда булдиң. сән гәндж булмиш турурсан теб. Іамліхә ајди бир қач кишиләр миз бу елдин дун чиқдимиз теб. Отмәкчи ајди бу Дақјанус мәлик жармақи турур, Дақјанус мәлик кечхәли ики-уч јуз артуқ болмуш турур теб. Іамліхә ајди: јатмиш узимиш³⁸ ерди миз бу күнхә тәми. Ел-будун терилдиләр; Іамліхә хаба-рини ул мәликкә елтдиләр ким, ул ел беки ерди. Андаб ајділар ким, бирәхү кәлмиш турур, мундаб сөз сөзләр теб. Мәлик Іамліхәни алғали ідди ағларин қиссасини ајди. Іамліхә ајди: биз јеті башларимиз Дақјанусдин қачтимиз,³⁹ бир тунли-күнли⁴⁰ бир оғхүр ичиндә јатдимиз, уддимиз, бу күн турдимиз әрсә, қолдашларим мәни аш-өтмәк алғали іддиләр, бу жармақни елту бардимиз әрди теб. Мәлик ајди: бу елдә уза сән евини билур сән теб. Джауаб берди: билурман теб; мәним мунда кишим⁴¹ оғлум кизим бар теб ајди.

Мәлик уч-төрт баш кишини билә⁴² ідди, -мун евинхә елтиңләр теб. Іамліхә барди, евинхә тәкди әрсә, бир қабуз тоқиди әрсә, евдин ходжә чиқди, Іамліхә

²⁹ Винительный падеж здесь требует разъяснения, может быть и описка.

³⁰ Исходный с *дә*, см. прим. 4.

³¹ Сочетание причастия на *-миш* с *керәк* отличает это причастие от причастия на *-иш* по функции.

³² Ср. примеч. 15.

³³ Значение слова — 'осторожный', 'осмотрительный'. В этой связи стоит слово *ёдуқ* в КБ в стихе по Ташк. Ркп. л. 43, 2: *синаб сөзләйүчи ёдуқ қили өз* (по Радлову здесь *әди* вм. *ёдуқ*).

³⁴ Ср. примеч. 9.

³⁵ Местоимение возвратное *кәндү* 'сам' часто в сочетаниях *өз-кәндү*, *кәндү-өз*, *әт-өз*.

³⁶ Слово *барқ* 'строение' известно в языке орхонской письменности (ср.: Радлов. Словарь, IV, стр. 1483).

³⁷ Слово *кәбүт* 'лавка', 'мастерская ремесленника' — в русском 'кибитка'.

³⁸ Ср. примеч. 28.

³⁹ Древняя форма 1 л. мн. ч. на *-димиз*, *-тимиз* обычнее, нежели на *-дук* (*-дук*). В современных узбекских говорах форма на *-димиз* встречается в ташкентском и капшинском говорах.

⁴⁰ Редкий в памятниках древней письменности «род парного аффикса», как его называл В. В. Радлов, «присоединяется к двум рядом стоящим словам и указывает на общность обоих слов». Повидимому аффикс *-ли -ли* рудиментарный (орудивный?, винительный времени и пространства?) падеж.

⁴¹ Здесь *киши* 'жена', 'женщина'.

⁴² Значение *билә* (< *билә* < *бирлә*?), видимо, самостоятельное — 'вместе', 'заодно'. Но ср. выше послелог *үзә* с предшествующим местным падежом *елдә* *үзә*.

ајди анхар, -агін не турур атаң агі не турур теб. Ходжа джаваб берді кім, төртінч улуз атам агі Іамліхә әрді теб. Іамліхә ајді: улуз атан Іамліхә мән турур теб. Кішіләр 'аджаб тутуб таңладılar.

Ул вақтда бу ел-бүдүні барча 'Іса јалаһач діні уза әрділәр. Ашаб-ал-каһф қиссәсіні инжіл ічіндә оқиміш әрділәр кім, ашаб-ал-каһф чиқбајлар, дунја тәркін жоқ болбајлар теб. Ул вақтакі мәлік кітабхон әрді. Мәліккә дуруст мә'лум болді кім инжіл ічіндә јад қилмиш ашб-ал-каһф болар турурлар теб. Мәлік турді, бір анча кішіләр бірлә Іамліхәні башлатиб уларни көрәли өнжүрә барділар; өнжүрә јақин тәјди ләр әрсә Іамліхә ајді: сизләр мунда јаблу⁴³ барурсизлар, мәнің қолдашларим анда сәкинбајлар кім, Дақјанус кәлді, әркі теб (әркітб) қорқарлар. Сизләр мәнің узу ақрурақ⁴⁴ кәлиңләр теб; мән јалнуз бәриб бу қиссәларни уларқа аитајин, анда кедін сизләр кәлиңсизләр теб, — анлар қорқмасун теб.

Мәлік кішіләрі бірлә кедін қалділар. Іамліхә барді, уларқа ајді: бизә үч јүз јил артукрақ болмуш кім, бір (биз) мунда әрмишмиз,⁴⁵ Дақјанус өлмиш, улда ағин кіші орнамиш, султән нима өзә болмиш турур, барча өзә јаңлиқ болмуш, биз көрмиш кішіләрдін бір кім әрсә жоқ, барча өлмүшләр үч-төрт ө а јама обулларі қизларі қалмиш лар; емді бүдүні барча мәні уду кәлділәр, сизләрни көрәли кәлділәр теб. Анлар қабулуз болділар, көзләрині көккә текділәр, өтүндиләр: аллаһи қадір әрдің, биң джанімізні алдің авра тірјүз-дүн, үч јүз јилда кедін авра джанімізні бәрдің, емді јана өз фәлиң- раһмәтиң бірлә джанімізні кәтүрјил, расва қилмабил бизни теб, өтүндиләр.

Тәңрі тә'ала ул сә'ят уларің джаніні кәтүрді. Ул мәлік хејли-хашими бірлә ул өнжүр қабујинға тебділәр; кирјүкә јол булмадилар, јарақдін бақар әрділәр, анларі көрәр әрділәр; тежмә јарудін назара қилур әрділәр. Ул бір јаруқидін бақучилар қа үчәкү көрінді, іт бірлә. Ајдилар кім, -үчәкү турурлар; бірі іт бірлә төртінч теб. Біранчаларі ајдилар кім, -бешәкү турур, алгінч іт бірлә. Ба'зи ајдилар кім, -јеті турур ләр, сәкізінч ітларі турур теб, іхтіләф килдилар, анда ким тәңрі тә'ала јарлиқаді [18₂₁].

Ул бар қабујинға кәлмиш кішіләр ікі гуруһи әрділәр; бірі 'Іса јалаһач діні уза мусулман әрділәр, тақі бір гуруһи кәфир әрділәр, Дақјанус кішіләрі әрділәр. Білдиләр кім, ашаб-ал-каһф кішіләрі өлмүшүні, ул өнжүр қабујини савадилар. Ул гуруһ јунанилар кәфирләр әрділәр. Ајдилар кім, -булар биң кішіміз турур, биздін қачтилар. Ул гуруһлар кім, 'Іса јалаһач діні уза әрділәр, улар ајдилар: биң дініміз уза тәңрікә сајиниңі⁴⁶ әрділәр теб. Бу ікі гуруһниң сөзләрі азбшті, іш тоқушқа текді. Тоқушдилар. Тәлім⁴⁷ кішіләр өлді, тәлім қан төкүлді. Ул кішіләр кім, 'Іса јалаһач діні уза әрділәр, анлар бәлиб болдилар; өнжүр қабујин анлар беркләдилар. Анда бір мәзјит

⁴³ Из *јақ* — *јаб* 'сторона', т. е. 'близко', 'рядом'; соотносится с *јабуқ*, *јақин*; ср. примеч. 40.

⁴⁴ Из *ақру* 'тихо', более позднее *ақрин*.

⁴⁵ Глагол *ер* 'быть' сохранил в тексте свое самостоятельное значение.

⁴⁶ Причастие второе настоящее на -*ғали*, -*ли* возможно в определительной функции и в значении существительного. Встречается в памятниках XI—XIV вв.

⁴⁷ 'Много' (ср.: Радлов. Словарь, III, стр. 1085).

қобарділар, савма' алар турбузділар. Кім әрсәнің бір һадәті болса анда бәріб намаз қилур әрді, һаджәт қолар⁴⁸ әрділәр; ул сә'әтда һаджәтләрі рауа болур әрді. Бір анчалар ајмішлар кім, 'Ісә јаләwach ешләрі⁴⁹ һаwwa-ріјінлардін әрділәр. Бірақу ул јердә түшміш, бір қач рузғар анда турміш; андакі кішіләр аніңдін 'әджәіблар көрмішләр.

Бу алтї баш кішіләр меһтәрәдәлар әрмішләр, 'Ісә јаләwach дінін тутмішлар, мусулман болмішлар, інджіл оқімішлар, тәһрі тә'јаләқа бутмішлар, анда кедін Дақјанус мәлікдін қачмішлар теб, ул օнхұржә кірмішләр, анда қалмішлар, қіјәмәтға тәкі чіқмаслар теб. Бу әрді ашәб-ал-каһф қіссәсі; јад қилдіміз.⁵⁰

⁴⁸ Глагол қол- 'просить' (ср.: Радлов. Словарь, II, стр. 585), встречается у Навои.

⁴⁹ Слово *еш* 'спутник', 'товарищ' (ср.: Радлов. Словарь, I, стр. 902) сохранилось в современном узбекском карабулакском говоре, где *еші* — подруга-сверстница (К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. Сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 422, примеч. 1).

⁵⁰ О некоторых подробностях по поводу языка тефсира см.: А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка. Изв. ОЛИЯ, VIII, январь—февраль, 1949, стр. 67 сл. 67; А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II, Сб. «Советского востоковедения», VI, М. — Л., 1949, стр. 24 сл.